

Павел Голушко

КОГДА Я ВЕРНУСЬ...

Стихи , проза

Минск
Издатель Печенко А.Г.
2009

УДК [821.161.1(476)+821.161.3](082)
ББК 84(4Бем=Рус)
Г 62

ОТ АВТОРА

Поэзия – это моё второе «Я», а может быть, и первое. Однако, когда иссякает источник вдохновения, а мысли не дают уснуть, ползает белая стихия как переходный мостик к прозе. Так что мол перывал повесть «Обстоятельства» – это закономерный итог всего мучительного пути моего поколения, которому не повезло жить во время перемен, начинал от «перестрелки» и заканчивал «похоронами» как в прямом, так и в переносном смысле. И всё это называли перестройкой, а более правильно, это была спровоцированная гражданская война. Итог известен.

Однако я пишу стихи. Это всё, что я вынес из того времени, грустно рассказывал о своих друзьях и о своей жизни. Стихи похожи на исповедь перед лицом истории. Судьба позволила мне стать поэтом из тех условий, когда я читал стихи на кухне своим близким друзьям, и привела меня к людям, которые смогли показать меня другим.

Мои стихи не соперничают и не выпитчиваются на фоне современной поэзии. Они мирно живут и сосуществуют в ней, собирав вокруг себя людей способных понимать и дарить прекрасное. Пусть каждый читающий выберет себе лучик из радуги – тот, который близок его сердцу.

Если бы я мог подарить вам своё дыхание...

Читая мои стихи, попытайтесь уловить запах счастья.

«Счастье – это целый мир. Там столько уголков, окон, дверей, ключиков».

Это слова моего любимого автора Светланы Алексеевич. Они рождают во мне нежность.

Имеющий место быть, ваш Павел Голушко.

Голушко, П. М.

Г 62 Когда я вернусь... : стихи, проза / Павел Голушко. – Минск : Печенко А.Г., 2009. – 107 с.: ил.

ISBN 978-985-6884-64-4.

Очередной сборник Павла Голушко – это же дань сегодняшней моде. Переход к прозе вполне закономерен как стремление понять своё прошлое и желание самоопределяться в настоящем.

УДК [821.161.1(476)+821.161.3](082)
ББК 84(4Бем=Рус)

ISBN 978-985-6884-64-4 © Голушко П.М., 2009
© Минск А.Б., иллюстрации, 2009
© Оформление. Издатель Печенко А.Г., 2009

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Павел Годушко – поэт, писатель и просто человек...

В свои 40 лет он издает третью книгу. Первый поэтический сборник «Одиночество» вышел в ноябре 2008 года. Второй сборник «Квартет» в содружестве с тремя авторами вышел в конце декабря 2008 года. Третий сборник

«Когда я вернусь...» читатель имеет возможность лицезреть. Но в отличие от первых двух автор замкнулся на повесть «Обстоятельства», которая будет иметь продолжение в четвёртой книге.

Вот таким мы представляем Павла Годушко: непосредственным, в чём-то неуверенным, но постоянно стремящимся... и ищущим что-то.

Жизнь покажет, что ищет автор. Одно ясно: он уже нашёл своих читателей, таких же одержимых, как его герой Илья Щутуров.

Диапазон творчества достаточно разнообразен: проза, белые стихи, романтика и лирика, короткие зарисовки и просто мысли вслух.

А это значит, что в армии пишущей братии у нас прибыло, и пополнение неплохое...

Издатель
Редактор

ПОВЕСТЬ

ПЕРВЫЕ, НО НЕ ГЛАВНЫЕ

Наконец, распогодилось. Сентбрюсский заунывный моросливый дождь взял перерыв как минимум на один день. Этому дню соответствовало распределение в медучилище. Ребята стояли на коридоре первого этажа в ожидании «подарков» судьбы для дальнейшей своей жизни.

Опаздывал директор. Но и в группе не хватало Ильи Шутурова, который, как отличник, должен был идти в числе первых. За глаза ребята называли его «пчёлкой», так как он с момента поступления умудрился учиться на дневном отделении и работать санитаром не в самой престижной больнице.

По секрету ребятам сказали, что директора срочно вызвали в райком партии. А это не сулило особой радости. Так оно и случилось. Появился директор с каким-то отрешённым видом. Казалось, что он идёт не на распределение, а на похороны. Вышла секретарь:

– Все собрались?

– Нет, опаздывает Илья Шутуров.

– Хорошо. Будете заходить в том порядке, который указан в этом списке. Староста, зачитайте, пожалуйста, и через пять минут я буду вызывать по одному человеку. А с Шутуровым решайте сами. Можете перенести его в конец списка, если он появится.

После оглашения списка стало понятно, что привычный порядок несколько нарушен. Впереди шли общественники: парттруппорт, комсорг и только потом отличники. Лица общественников силили, потому что все знали, что у них всегда есть выбор. Во-первых, это, как правило, Минск. А также для многих – желанная работа на скорой помощи.

Но что-то не сложилось. Парттруппорт вышел растерянный, если не более, и ни слова не говорил, не обращая внимания на вопросы товарищей, направился к выходу.

На пороге училища он столкнулся с Илейей Шутуровым и прошёл мимо него, как будто на его пути встретился столб. Первая мысль у Ильи была – распределение отменили.

Вообще Илья опаздывал крайне редко, так как работа приучила его к предсмотрительности и пунктуальности. Конечно, не автомобильная пробка и не капризы погоды задержали молодого парня. Виной всему была Елена – девушка с медсестринского отделения. Ещё накануне они договорились, что встретятся вместе отправятся в училище. Но жизнь – крайне интересная штука, и по неизвестной причине Лена не пришла. Илье пришлось идти одному. Даже в этот, хоть и полетнему светлый, но уже по-осеннему холодный день у молодого парня на лбу выступили капли пота.

«Куда она могла пропасть? – думал Илья. – Ведь договаривались без пяти девять». Ещё переходя дорогу, Илья пытался собраться с мыслями.

– Скорая, скорая, – почему-то весело закричали мальчишки, играющие в дворовой песочнице.

После этого картина пот спал с лица Ильи, и внезапно в памяти всплыли картинки, такие красивые и милые. Его тётя работала фельдшером на скорой помощи. Маленький Илья очень гордился этим. Вообще все маленькие дети склонны к романтике и альтруизму. Поэтому он гордо говорил, что она, Мария Павловна, каждый день спасает не одну человеческую жизнь, что в этих машинах таится огромный загадка. На мальчика это производило неизгладимое впечатление. А теперь он взрослый, привык

к звукам сирен, виду крови, и характерному запаху медучреждений, и, наверное, тётя, сейчас глядя на него, если бы была жива, тихо радовалась бы за племянника.

Илья не мог предположить, что директору училища в райкоме поставили задачу: практически вся группа должна была уехать в чернобыльскую зону, и в первую очередь активисты, которые должны были, подать пример всем остальным ребятам. Не знал он и того, а только мог предполагать, что некоторые его товарищи, именно активисты, заранее побеспокоились о своём распределении, вплоть до решения на самом высоком уровне. Собственно говоря, отличникам была уготована та же участь. Поэтому он не понял состояние своего товарища.

Не успел Илья подойти к месту распределения, как навстречу ему выскочила Надежда, подруга Елены. Она также прошла мимо, как сквозь стену, словно не заметила его. Шаги Нади удалились, и Илья, так ничего не успев сказать, понял, что распределение уже давно началось.

Тем временем Лена металась по улице с надеждой поймать такси. Она пришла после ночной смены, поставила будильник и прикорнула буквально на полчаса. Но, наверное, будильник её пожалел. А может быть, она что-то неправильно сделала. Она увидела во сне, как Илью распределили для работы на Луне, и прямо с распределения он отправился на стартовую площадку. Более того, могли взять и её, но она опоздала. В ужасе Лена вскочила и поняла, что случилось самое худшее. Будильник нагло показывал начало десятого.

«Вот тебе и Луна», – подумала Лена. Конечно же, Илья пропщит ей направление несколько подальше Луны и придётся долго оправдываться, но

при этом врать было бесполезно. Оставалась надежда, что Илья ещё не зашёл на распределение.

В это время дверь кабинета директора распахнулась и оттуда со слезами на глазах «вылетела» подруга комсорга группы Ольга Иванцева, распределённая в ФАП колхоза «Заря» Гомельского района. Да и кому захотелось бы ехать в Гомельскую область в разгар Чернобыльской трагедии.

– Илья, ты откуда? Что случилось? – набросился на него хор голосов одноклассников?

– Опоздал, теперь стой и жди, – недовольно отозвался староста. – Я уже своё получил.

Ребята выходили с мраморными лицами, после каждого следующего скрипа дверей в воздухе повисала тишина. Казалось, что она имеет и массу, и вес, и силу. Да, наверное, уже никто и нигде не пойдёт отмечать распределение. Вот Иванов прошёл, не проронив ни слова, а ведь накануне приглашал всех в «Потсдам», кстати, чертовски отличный ресторан, как думал Илья.

Неужели это так страшно? Может, лучше не смотреть и закрыть глаза?..

Время пролетело в томительном ожидании.

– Илья Шутуров, – прозвучало в коридоре.

Он зашёл в кабинет директора и увидел двенадцать человек, сидящих за разными столами.

– Это и есть наш Илья Шутуров, – сказал директор училища. – Может, кто-нибудь хочет что-то сказать?

У Ильи в этот момент потемнело в глазах. Он стал похож на маленького щенка. И вдруг раздался низкий женский голос:

– А вот когда я лежала в четвёртой больнице, все больные, иначе, чем Ильёй Михайловичем его

не называли, ждали, когда он придёт на практику, ждали его уколов и улыбки.

— Ну, милочка моя, и в моей больнице Илья был нарасхват, — поддержала терапевта преподавательница по детским болезням, залыв, что дети на его практике не слезили с рук Ильи.

Илья покраснел и понял, что по своей глупой привычке — ожидании негатива — он услышал хорошие слова.

— Ну что, Илья Михайлович, нравиться, когда Вас так называют? — спросил директор.

Илья стоял так, словно проглотил язык.

— Где бы Вы хотели работать, дорогой Илья Михайлович?

Собравшись духом, он робко, но в то же время с какой-то странной уверенностью произнёс:

— На скорой.

Голос его прозвучал слегка странно для членов комиссии, но в то же время они почувствовали в этом молодом, живом голосе капельки юной неуверенности и необоснованную, на их взгляд, романтику. Директор, удовлетворённый этим залвлением, повернулся к членам комиссии и спросил:

— Ну что, найдём ему достойное место?

— Найдём, — ответил бледный мужчина в роговых очках и живенько что-то черкнул ручкой в своей тетради.

— Удачи вам, Илья Михайлович! — сказал директор и крепко, насколько могло ему позволить отсутствие двух пальцев, пожал Илье руку.

В этот момент всё смешалось в его голове, сердце начало биться чаще. Удивительно — СКОРАЯ!

Он забыл даже о том, что Елена опоздала, так как именно её опоздание обеспечило ему то, о чём он мечтал.

Разнарядка райкома партии была выполнена, и именно у последних двоих появилось право выбора.

В это же время Илья осознал, что его личная радость столкнулась с противоположным чувством у большинства его одноклассников. И если к активистам он не испытывал никакого сострадания, то некоторые ребята были достойны права выбора, потому что они не только получили хорошие знания, но и, что самое главное, работал ежедневно в больнице, получили хорошие практические навыки. Именно там их ждали с нетерпением те, кто их обучал и воспитывал. Поэтому его радость сменилась некоторым беспокойством.

Когда он открыл дверь кабинета, в метре от него стояла Лена. В её взгляде было ожидание и надежда, так как ей уже всё объяснили. Она поняла, что Луна всё-таки была бы лучше.

Илья, ни слова не говоря, взял её за руку, и они пошли к выходу. На первой же скамеечке он ей сказал:

— Загадай любой желание, и я его выполню.

Это было настолько неожиданно, что Лена только потом поняла, что она ошиблась со своим желанием.

— Не злись на меня за опоздание.

— Ха-ха-ха, — залыл Илья. — Ничего себе не злись. Да я должен на руках тебя носить. Благодаря твоему опозданию я буду работать на скорой.

Он поднял её на руки и перенёс на соседнюю скамейку на глазах у изумлённых постоянных посетителей этого сквера. Лена действительно поняла, что она прощена.

— Ну и что дальше? — прозвучал её первый вопрос.

— А то же, что и раньше. Те же занятия. Потом, как сама понимаешь, госэкзамены и выпускной.

Вместе с тем Илья понимал, что те отношения в группе, которые с таким трудом складывались за три года, претерпят определённые изменения, ибо практически вся группа будет состоять из обиженных и недовольных. И только два человека (один естественным образом, Илья — совершенно случайно) оказались в привилегированном положении. Стало ясно, что группа может расколоться на отдельные группки, и в целом ничего хорошего из этого не получится.

Ну а пока надо было подумать, в какой подходей компании можно было бы отметить удачное распределение. Получилось, что такой компанией была именно Лена, потому что группа в лучшем случае могла пить с горя. И было ясно, что никто на это не пойдёт. Ведь для них это был самый чёрный день — несбывшихся надежд. Лена с Ильёй отправились в ближайшее кафе, где их хорошо знали и всегда рады были видеть. Но не успели они осмотреться, как в это же кафе вскочил второй счастливец — так же со своей девушкой, которая училась в одной группе с Леной. Более того, они работали вместе в одном отделе, так как окончили училище почти на полгода раньше Ильи.

Народу в кафе было не много. Однако действовали драконовские порядки и спиртное повсеместно было запрещено, тем более в дневное время. Но в любом положении всегда есть один вход и достаточное количество выходов. Поэтому Илья подошёл к знакомому бармену, поделился с ним своей радостью, получил порцию поздравлений и предложение — два чаша покрепче и два обычных. В переводе на нормальный язык это означало: два стакана болгар-

ской «Пилиски» и два стакана обычного чаа. Правда, пришлось заказать ещё четыре кофе, так как надо было из чего-то пить коньяк. Соответственно, были поданы бутерброды, прижонны и конфеты. Получился вполне приличный стол.

Естественно, в первую очередь обсуждалось распределение. Высказывались «за» и «против» в сложившейся ситуации. Илья прекрасно понимал, что если бы не опоздание Лены, то ему светило то, что всем. И в принципе он особо не переживал, так как знал от своей тётки, что лучше всего начинать именно в селе. Ведь фактически его группа получила дипломы, которые во многом были равноценны дипломам мединститута. И в сельской местности была прекрасная практика для того, чтобы потом уверенно трудиться в Минске. Прежде всего, это была бы самостоятельная работа без скидок на неопытность и незнание.

А Илье не дай поесть, а дай попробовать сделать по-своему. Поэтому он как-то особо и не радовался, но понимал, что та девушка, которая заходила перед ним (кстати, он относился к ней с должным уважением), могла получить его распределение, а он — её. И в то же самое время, как потом оказалось, она громче всех кричала, чтобы Штурова перенесли в самый конец списка. Что, собственно, и было сделано. Так что в какой-то степени она должна была обижаться сама на себя. Вспомнилась соответствующая пословица: «Не рой другому яму...»

Трудно было сказать, о чём думал каждый из сидящих. Хотелось почему-то кушать, ибо коньяк всё-таки сделал своё дело. Так что в основном нажимали на бутерброды. А девушки в это время поделились своими соображениями, как в их группе отдельные отличники и активисты отмазались от чер-

нобыльской зоны. Получалось, что одной рукой нечистоплотные руководители агитировали за патриотизм, а другой рукой делали так, чтобы этот самый патриотизм на их детей не распространялся.

Вообще-то Илья понимал, что живут они в какое-то очень странное время, которое почему-то называлось перестройкой. Вокруг ходило множество анекдотов. Газеты и журналы позволили себе такую информацию, что люди просто хватались за голову. И было непонятно, чему верить, а чему не верить. После Чернобыля вера у людей как-то пошатнулась. Даже старшее поколение начало в чём-то сомневаться и подчас тоскливыми глазами смотрело не молодёжь, так как с высоты своего опыта понимало все трудности этого поколения и зачастую прямо об этом высказывалось.

А молодёжь в это время вместо кофе цедила коньяк и абсолютно не задумывалась о тех трудностях, которые им создало старшее поколение и которые именно им придётся преодолевать. От распределения, естественно, перешли к обсуждению своей профессии. Начали вспоминать удивительные истории, когда оживали, казалось бы, мёртвые и умирали, казалось бы, живые. В большинстве случаев всё сводилось к квалификации врача. Это была профессия, по существу, без права на ошибку.

К этому времени Илья заказал ещё два крепких чая. И на их радостном небосводе была полна ясность, слегка затуманенная алкоголем, и ни одной тучки. Правда, одна тучка появилась весьма неожиданно. Это был парттрупорг со своими тремя активистками. И прямо с порога он увидел своих одногруппников. С одной стороны, он засмутился, так как понимал, с какой целью они пришли, а с другой стороны, обрадовался, так как знал, что Илья может

выручить, потому что найдёт общий язык с барменом. Он дружёненько подкатился к столику Ильи и спросил, может ли Илья посодействовать, что бы взять что-нибудь подходящее с ему моменту.

— Понимаешь, Петя, в соответствующий момент мы пьем чай и кофе.

Пётр недоверчиво покопился на их стаканы, так как по глазам компании заметил, что от чая и кофе так на закосеешь. И если в содержимом кофейных чашек он не сомневался, то вот стаканы у него вызвали явное подозрение. А в это время Илья продолжал:

— Видишь ли, Петя, за последний год со своими помощниками ты провёл такую работу, что меня даже от пива тошнит. Так что не знаю, как я буду работать. Там же спиртом надо протирать.

Петя ухмыльнулся:

— Ну, ты не заливай. Даже ежу понятно, какой чай вы здесь пьёте.

— А ты попробуй.

— Из любого стакана?

— Да, из любого.

Проба закончилась полным позором партийного босса. И стало понятно, что после такого подхода новой компании ничего не светит. А тут ещё Ваня съехидничал:

— Я ведь предупреждал тебя, Петя, что ты не умеешь работать с народом.

— А ты не путай, Ванечка, — вмешалась комсорг группы, — учёба есть учёба. А здесь мы такие же нормальные люди, как и вы.

Последнюю лепту в общее дело внесла Лена. Слегка заплетающимся голосом она заявила:

— Ну, так и пейте чай, как все нормальные.

— А чего ты заикаешься? — поинтересовалась комсорг.

— Во-первых, от радости. Да, именно от радости, что Илья остаётся рядом со мной, — голос у Лены слегка окреп. — А ты, наверное, подумала что-то иное.

— Я не подумала — я просто уверена.

Лена взорвалась:

— Так вот иди и пей чай вместе со своей уверенностью и не забудь сегодня подготовить доклад о вреде алкоголя, особенно после распределения.

На этом Петина компания удалилась. Последнее, что услышали ребята, это слова Пети:

— Пойдёмте в соседнее кафе.

Чем привлекало ребят это кафе? Во-первых, в нём стоял специальный музыкальный автомат, с помощью которого можно было послушать популярную музыку и исполнителей за брошенный в отверстие полтинник. А в семь вечера на небольшой сцене полвлялась группа лабухов, и вечер продолжался под вполне сносную живую музыку. К этому времени кафе заполнялось молодёжью, появлялись знакомые. Но ребята решили надолго не задерживаться, так как хотелось воспользоваться хорошей погодой и побродить по городу.

На выходе из кафе они разошлись: Ваня с подругой пошли налево, а Илья с Леной — направо. Они решили пройти по всем тем местам, которые были им памяты с первого дня их знакомства. И этот поход длился до самого утра, а более правильно, до того момента, пока опыт на город не напыли тучи и не заморосил заунывный осенний дождь. Спасались под деревьями и постепенно перебежками добирались домой. Дом Лены был напротив дома Ильи. Как обычно, они придуривались: сначала Илья проводил Лену, потом Лена Илью. И так до тех пор,

пока оба не промокли. И тогда решили бросить монету. А она упала и встала торчком. Это означало, что они впервые разошлись в разные стороны от той улицы, которая разделяла их дома.

Илья долго не мог уснуть. В который раз он перебирал в памяти все те обстоятельства, которые привели его к сегодняшнему результату. А ведь достаточно было в какое-то мгновение совершенно случайно поступить иначе, и вся жизнь, возможно, сложилась бы по-иному. Не было бы рядом Лены, а какая-нибудь Маня пришла бы вовремя. И получил бы он направление на южный берег какого-нибудь озера в совершенно неизвестном ему селе. А Маня, естественно, ни в коем случае не захотела бы ехать на южный берег, так как её вполне устраивал северный берег Комсомольского озера.

Кроме этого его удивило совпадение, при котором те самые активисты, которые так рьяно учились жить по совести, как бы эту совесть отодвинули в сторону и даже это не скрывали. Но Илья давно уже чувствовал неискренность этих ребят, поэтому категорически отказался от портфеля общественника. Он мотивировал это тем, что ему вполне хватает участия в художественной самодеятельности в училище, работы по специальности в местной больнице, занятии спортом (Илья играл в волейбол), не говоря уже о том, что у него было много друзей, которым надо было уделять время. Но главное — рядом была Лена, начинал именно от этой самой самодеятельности и заканчивал различными вечерами.

А Лена в это время готовилась ко сну и смывала с себя остатки лёгкого макияжа. Её голову посещали практически те же самые мысли. Она также удивлялась обстоятельствам, начинал от того момента, когда рядом с ней оказался Илья и заканчивал

сегодняшним днём. Но в отличие от Ильи сказалась бессонная ночь. Поэтому, как только голова коснулась подушки, Лена провалилась в счастливый глубокий сон, как говорят, за себя и за того парня.

А парень в это время понял, что ему не уснуть. Поэтому он взял современный детектив и отправился на кухню, чтобы скоротать время за пивом, воблой и чтивом.

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ, НО ИНТЕРЕСНЫЕ

Как Илья и предполагал, понедельник стал для него не просто тяжёлым днём. Было такое ощущение, что группа отшатнулась от двух счастливиц. Настроение у всех было мрачное, да и некоторые преподаватели ко всему прочему подтрунили эти страсти. Что-то странное происходило со всеми людьми. Куда подевались призывы служения обществу?.. И, наверное, вопрос был не просто в сельской местности. Многих пугала именно черномысльская зона. Это была своеобразная проверка на прочность духа каждого человека. И первыми её не выдержали те, кто обязан был по своему статусу показывать личный пример.

А тут ещё вдобавок и Ваня потрепался девчонкам, как они в кафе разыграли активистов и как Петя пробовал чай из четырёх стаканов. Естественно, это стало известно Петру и его компании. И когда Илья появился на занятиях, те смотрели на него соответствующим образом и даже не поздоровались. В этих условиях надо было проучиться почти четыре месяца.

Илья понял, что его главная задача — не сорваться и не наломать дров. Именно поэтому он опить вернулся на прежнее место своей работы. Таким образом, получалось, что с занятий он бежал в народный театр, в свою самостоятельность, оттуда с Леной они бежали на работу, если у неё была вторая смена. В результате жизнь закрутила его настолько, что отношения в группе отошли на какой-то десятилетний план.

Время промчалось незаметно. После Нового года надо было начинать более активно готовиться к экзаменам. Поэтому работу пришлось оставить. Но в первые дни Илье чего-то не хватало. Он помнил

всех своих больных и часто по ночам он видел их во сне. Поэтому первое время он периодически звонил на свой этаж и спрашивал у дежурной медсестры о тех, кто выписался и о тех, кто продолжал лечение.

И, наконец, наступили госэкзамены. Илья не сомневался, что он пройдёт парадным шагом по всем четырём экзаменам и получит свой законный «красный» диплом. Правда, после распределения за его спиной в группе поговаривали, что, конечно же, он блатной, конечно же, и птёрки не проста. Но этим занималось пару человек, и в принципе их не уважала вся группа. Так что Илья просто не обращал внимания на эти сплетни.

Всё шло как обычно, пока не наступило тринадцатое февраля. Илья не был суверен. Он ещё посмелся, встретившись двенадцатого с Леной:

– Ну и что, что тринадцатое! Если у меня есть знания, что и сам чёрт не страшен.

Но при этом что-то шевельнулось в его чувствах, и Лена это заметила.

– Зря ты, Ильюша, настолько самоуверен. Ведь, небось, червоточек точит. И потом вспомни, кто у вас председатель комиссии. Это очень придирчивый мужик. Он у нас на ровном месте, по существу, лишил красного диплома нескольких человек. И вся комиссия ничего не могла сделать.

Илья задумался, ибо этот фактор он сразу не учёл. Поэтому его уверенность постепенно как бы уменьшалась. И это было хорошо, ведь появлялась ответственность и спокойствие.

Как всегда, Илья зашёл в первой шестёрке. Выткнув билет, он понял, что проблем не будет. Он улыбнулся, и его преподаватель Геннадий Израилевич спросил:

– Ильюша, может быть, без подготовки?

Илья без раздумий залыл:

– Можно и без подготовки.

Для ребят это было и хорошо, и плохо. Плохо было то, что сокращалось время на подготовку. Хорошо то, что комиссия дружно повернулась к Илье, и было очень легко списывать. Однако человек предполагает, а судьба располагает. Вдобавок ко всему инициатива всегда наказуема. Илья не верил в эти присказки, но в данном случае они сработали на все сто процентов, ибо председатель комиссии был не в духе.

Вечером он поругался со своей супругой на даче. А тут ещё сосед – такой же горемыка – подвернулся. И они дружно ударили по коньку. Потом подошёл ещё один сосед со своей бутылкой армянского, потом добавили водочки. И, что хуже всего, всех потянуло на пиво. А утром он проспал и, не позавтракав, примчался минута в минуту на госэкзамен. У него была хорошая мысль: пока студенты будут готовиться, выйти прогуляться две минуты в магазин и выпить бокал разливного пива и таким образом отвести душу.

А тут какой-то студент беспардонно влез к нему в душу и теперь придётся сидеть как минимум три часа. Это для Ивана Ивановича стало непреодолимым. И ему ничего не оставалось, как скрупулёзно вслушиваться в ответ студента. Но пока было всё безукоризненно. У него даже появилась мысль встать и потихонечку выскользнуть по известной причине. И когда он уже привстал, Илья, решив блеснуть своими знаниями, дал определение одной медицинский операции, по которой имели место разногласия у Ивана Ивановича с преподавателем этого студента. Каждый требовал своё. По большому счёту, эти трактовки не отражались на практике. И если

бы не особые обстоятельства Ивана Ивановича, то он мог бы не обратить внимания на эту, по его мнению, оплошность студента.

Но в этот день он пройти мимо не мог, поэтому, когда Илья закончил отвечать свою тему, Иван Иванович тут же вставил свои «пять копеек», причём сделал он это очень резко. И Илья невольно растерялся. А Геннадий Израилевич учил их тому, что медик ни в коем случае не должен терять присутствие духа. Так что результат получился печальный. Дополнительных вопросов не было и Илья выскочил из аудитории, где его никто не ждал, где не было привычного «ну как?», ибо все были уверены, что колья Илья пошёл без подготовки, значит, у него, как всегда, пять баллов.

Лена ждала его на их привычной скамейке. Он ей обрисовал суть конфликта, именно так, как представлял его сам. Поэтому он предполагал, что всё-таки ему поставят пять баллов. Но сомнения были. Только вот не хватало какого-то чувства, чтобы это высказать вслух. А мысли были достаточно простые: если ему поставят четыре балла, то, по крайней мере, все сплетни, что он блатной, уйдут в небытие. И те, кто пытался его очернить, будут погрязлены.

Но, к сожалению, Илья не знал о наличии подводных течений. И то, что Иван Иванович не смог опохмелиться, как показали последующие события, было не главным. У той самой девушки, которая смогла бы остаться в Мбилике, если бы Илья не опоздал, были влиятельные родственники. А двое их друзей как раз сидели в этой же комиссии. И они уже десять раз, если не больше, слышали историю, в которую попала их знакомая.

Когда закончился госэкзамен, то группа ничего не могла понять. Обычно через десять-пятнадцать

минут всех приглашали для оглашения оценок. А здесь прошёл час. Было такое ощущение, что комиссия просто уснула, хотя там бушевали страсти. Иван Иванович неожиданно для всех предложил поставить Шутурову тройку, что было не понято, потому что больше троек не было, а Илья был одним из лучших в группе. Было ещё два предложения: поставить четыре или пять баллов. Всем сидевшим в комиссии стало ясно, что Илья останется без красного диплома.

Трудно сказать, что в конечном счёте сыграло роль, но Иван Иванович был достаточно опытен, чтобы добиться своего. Именно поэтому он предложил провести тайное голосование. Он прекрасно понимал, что некоторые преподаватели в открытую не хотят его поддержать, чтобы не прослыть ретроgrадами. А для него было принципиально важно поставить именно тройку, потому что таким образом он мог погрязить Геннадия Израилевича. Преподаватели не почувствовали подвоха, ибо, по их мнению, оценки «четыре» и «пять» набирали равное количество голосов. Поэтому было непринципиально, тем более что была гарантия, что мнение каждого будет неизвестно.

Иван Иванович всё правильно оценил. Когда посчитали бумажки, Илья с преимуществом в один голос получил три балла. И Иван Иванович сделал упор не так на определении, которое он считал неправильным, как на том, что будущий специалист растерялся и даже не пытался возражать.

Наконец группу пригласили. Эффект оглашения оценок был примерно такой же, как эффект распределения, с той лишь разницей, что в первом случае главный герой находился в эйфории, а в данном случае он оказался в шоке. Дело было даже не в оценке. Самое страшное для Илья заключалось в

том, что надо было выйти из аудитории, перейти дорогу и сказать о тройке Лене. Абсолютно не было никакого объяснения. А придумывать что-то и врать он не хотел. Часть истины станет известна гораздо позднее, а пока он вышел из нокаута, но находился в прострации.

Из аудитории постепенно вышла вся комиссия. Геннадий Израилевич за всё время так и не поднял голову. Выходя, он даже не посмотрел в сторону Ильи. Он оправдывал себя тем, что его любимый ученик действительно растерялся. И именно поэтому, как ему показалось, члены комиссии изменили своё мнение, по сути дела, на противоположное. В одном он чувствовал уверенность: при тайном голосовании именно он оставил пять баллов. А это означало, что все его коллеги, которые на словах говорили об отличной оценке, на самом деле поставили либо «четыре», либо «три». По крайней мере у этих можно было спросить и приблизительно вычислить тех, кто поставил тройки. Ему очень хотелось докопаться до истины, наверное, в первую очередь потому, что надо снять камень со своей души — камень вины и ответственности, и тем самым хоть что-то объяснить Штурмову.

В это время вслед за комиссией вышли все организаторы Илья. А он сидел, тупо уставившись в поверхность стола.

Геннадий Израилевич считал своим долгом дожидаться Илью. Но тот не выходил. Тогда он вернулся в аудиторию. Он мог предположить всё, что угодно, кроме одного. Илья понял, кто вернулся, и спокойно сказал:

— Всё это для меня не имеет сегодня особого значения. В том, что произошло, есть нечто хорошее. Но одно невыносимо: я не знаю, что сказать Лене.

Геннадий Израилевич знал, кто такая Лена. Он часто приходил на выступления театральной группы училища и всегда замечал, с кем Илья уходил домой.

— А где она сейчас? — спросил преподаватель.

— Сидит в сквере напротив.

— Хорошо. Я тебя по-мужски выручу. Мне для этого хватит несколько секунд. Так что можешь выходить через пару минут после меня. И не сомневайся, что тебе ничего не придется объяснять. Главное, не вешай нос и не расслабляйся, ибо таких ситуаций у тебя впереди будет множество.

Прострация ушла сама по себе. Ровно через три минуты Илья направился к выходу из училища.

Тем временем Геннадий Израилевич подошёл к Лене и высказал ей своё мнение:

— Понимаешь, Лена, произошёл тот случай, нелепый случай, который бывает очень редко и который невозможно объяснить. Поэтому ты, пожалуйста, прими Илью таким, какой он есть, не задумываясь о том, что произошло, так как время всё поставит на свои места. И я сам постараюсь во многом разобраться.

Таким образом, ситуация упростилась. Илья с Леной опять пили «крепкий чай», но уже вдвоём.

А дальше всё покатилось так, как будто бы они находились на горе. Дни мелькали невероятно быстро, и удавалось замечать только отдельные моменты. Прежде всего промелькнул последний госэкзамен. И через несколько дней предстояло вручение дипломов и выпускной вечер.

Почему время немного притормозило? Наверное, потому, что для Илья выпускной вечер был чем-то особенным. Причин для этого было достаточно много. Главная заключалась в том, что он был участ-

ником самостоятельности, которая составляла главное в этом выпускном. Второе, наверное, было первым, потому что именно на этой самой самостоятельности он познакомился с Леной. А произошло это очень просто.

Ещё на первом курсе Илья под руководством преподавателя физики Людмилы Петровны, занимался художественной самостоятельностью училища. В конце ноября они приступили к подготовке новогоднего вечера. Не успел Илья зайти в аудиторию, как его встретила Людмила Петровна:

— Послушай, Илья, нашла интересную девочку в медсестринской группе, — сказала она радостно. — Сегодня должна прийти, голос почти как у твоей любимой Аллы Борисовны.

Они сели писать сценарий вечера, параллельно записывал имена возможных участников. Стали собираться ребята, постоянные члены кружка художественной самостоятельности.

— А вот и Лена, — встала с места Людмила Петровна.

Илья оглянулся и среди вошедших юношей увидел довольно высокую и немного нескладную девушку с копной золотистых волос.

Ребята начали знакомиться. Илья тоже подошёл и протянул ей руку.

— Привет. Я Илья.

— Привет, — улыбнулась она в ответ. Голос у неё был очень приятный и милый.

«Милое создание», — подумал Илья.

Он зашёл за кулисы в комнату, где ребята из ансамбля разбирали инструменты, чтобы потрогать их, а Людмила Петровна села за рояль и заигра.

Илья услышал голос молодой Аллы Пугачевой. Он незаметно вернулся и стал слушать.

«Балалайку в руки возьму, светит месяц, тихо заиграю и тебе, тебе одному о своей любви пробалаю», — пела Лена.

Илья не отрывал глаз от высокой фигурки девушки, непринужденно стоящей на сцене. В его душе шевельнулось чувство, не похожее на то, что он испытывал раньше. Нет, были прогулки, девочки, компании, но всё это было не то и, скорее сказать, обыденно и каждый раз всё одинаково.

До Нового года оставалось чуть более месяца, и Илья с Леной встречались на репетициях практически каждый день. Они и сами не заметили, как стали постепенно всё больше и больше узнавать друг о друге. И однажды Илья пригласил Лену на день рождения к своему приятелю.

На дне рождения Илья был в ударе, рассказывал анекдоты, а Лена пела под гитару. Оказалось, она ещё играла на гитаре!

С того дня они начали встречаться. Отношения были светлыми, каждый день они открывали друг в друге что-то новое, гуляли по городу, ходили в кино, в гости. Илья дарил ей цветы, забавные сувениры.

Позже он познакомился с её родителями, приятной пожилой парой. Лена была поздним и единственным ребёнком.

Таким образом, дружба с девушкой совпала с их увлечённостью интересным делом. Но Лена окончила училище на полгода раньше, поэтому Илья остался как бы один у Людмилы Петровны. Он стал не только её главным помощником в художественной самостоятельности, но и подготовка выпускного вечера легла в основном на его плечи. Ещё с ранних

лет своего детства в нём раскрылся необъяснимый талант импровизации и перевоплощения.

Гвоздём любой программы, подготовленной в кружке, были пародии на преподавателей училища. Не составило исключения и данное представление.

В первом ряду сидел весь педсовет, зал был набит до краёв, так как занятия на этот вечер были отменены. Люди стояли в проходах, сидели на ступеньках. После приветственных речей и официальной части началось самое интересное — концерт. Перед актовым залом находился большой холл, и в нём постоянно шло движение. Казалось, что всё помещение напоминает библейскую вавилонскую башню, от этого Илье становилось не по себе. Погас свет, зажглась рампа, и наконец — долгожданный праздник...

Всё началось с выступления инструментально-го квартета, но уже с новой солисткой. Она не только уступала Лене в голосе, но и чувствовала себя на сцене скованно, примерно так зрители оценили это выступление. Но затем пошли старые бойцы. Стало веселее, интереснее. Ребята пели современные песни. Не забывали и старшее поколение. Присутствовал медицинский юмор. На сцену вышли даже некоторые преподаватели и показали, что ещё есть порох в пороховницах. Но по всему чувствовалось, что зал настроен на что-то особенное. И оно состоялось во втором отделении концерта.

На сцену вышел Ильин в образе преподавателя акушерства Надежды Ефимовны — это была неповторимая женщина. Каждый год она посещала могилы декабристов в Ленинграде. Привозила оттуда мешочек с землёй. По рассказам очевидцев, которые были у неё дома, из этой земли в Мянске можно было насыпать курган в память этих декабристов и

молиться на него.... В своей прежней работе Надежда Ефимовна была очень добрым, трогательным акушером, любящим своё дело, и министерство, зная все слабости этой женщины, решило направить её таланты на преподавательскую деятельность.

Экзамен по акушерству был одним из лёгких. Основная оценка ставилась на практических занятиях, а роды Ильин принял на «отлично», теория была проста и легка, Ильин был в первой пилёрке, взял билет и ответил...

Зал хохотал, Надежда Ефимовна была легко узнаваема в его фразах, да и обидеться было нельзя, ведь пародии были добрые и весёлые, как и сами преподаватели на которых они создавались.

Хирургия! Геннадий Израилевич был самым весёлым преподавателем. Его предмет был очень интересен, как и его манера преподавания. Любитель неоднократно вставить крепкое словцо во время лекций, этим он так привлекал к её теме, что не запомнить умудрялись только самые тупые ученики. Признаться, он был замечательным ловеласом и сколько провинциальных девочек пали под его чарамы. Поэтому и пародия была самой яркой и запоминающейся. Геннадий Израилевич хохотал в обнимку с директором.

Следом шла преподаватель по детским болезням. Светлана Васильевна — неповторимый эффектный женщина, всегда следившая за собой, жила в одном из самых новых домов Мянска, имела очень влиятельного мужа. Не узнать её в пародии тоже было невозможно.

Мелкали пародии, образы, зал веселился, одним словом праздник удался. И все понимали, что рано или поздно надо прощаться. На сцену вышли все участники самодеятельности вместе с руководи-

телем и поблагодарили зал за доброту. Илья объявил начало дискотеки. Но ему самому не хотелось оставаться, потому что он выполнил свой последний долг перед училищем. Примерно то же самое почувствовала Лена, которая сразу же подошла к нему. И они, не сговариваясь, пошли к выходу. Ведь было понятно, что впереди совершенно новая жизнь. Одно дело — быть на практике или подрабатывать, и совсем другое дело — становиться равноправным и ответственным.

— Знаешь, Лен, — сказал Илья, — я немного боюсь.

— Не поняла, — удивилась Лена.

— Работал на практике в первый день, я увидел столько, что на целый роман хватит: высельник, парашотист, убийство, авария.

— Работа есть работа. Это же скорал!

Однако они быстро почувствовали, что вокруг почему-то не лето. Мороз стоял в конце февраля под тридцать. Свирепствовала метель, и как-никак время шло к полуночи.

А на другой день у Лены начался нелегкий период, когда надо было подменить старших подруг, которых направили на курсы повышения квалификации, то есть работать по двенадцать часов в сутки с соответствующей оплатой и, как говорят, без выходных и проходных. А у Ильи начался меслчнй отпуск. И он даже приблизительно не представлял, что делать в этих условиях.

Наверное, у всех людей на изломе событий начинаются воспоминания. Илья не составил исключения. Он попытался представить, какое самое яркое событие было в его жизни. И сразу же накатило детство: море; Паланга; невероятно широким и длинным пляж; много людей, веселых, загорелых, добрых.

А потом наступил вечер. И Илья начал разговаривать сам с собой:

— Сиджу на скамейке. Кормлю чаек. Любуюсь отливом и закатом. Я ещё маленький. Сейчас пойдем собирать с мамой лянтарь. Мне легче набиваться и замечать крупинки застывшей смолы. Часто попадаются обманки — кусочки древесины, стёклышки, камушки, отточенные водой.

Некоторые болтают и рассказывают, что находили куски лянтаря размером с кулак, а то и два... Глупости. Стоило только попросить показать это чудо, как фантазеры исчезали вместе со своими байками. И не потому, что таких кусков не бывает вообще, и не потому, что для их находки нужно обладать способностями колдуна. Нет, просто в полосе прибор любой большой кусок моментально разобьётся на очень большое количество мелких. Чтобы находить камни, размер которых измеряется сантиметрами, а не миллиметрами, нужно либо копать в земле, либо, вооружившись сачком и особым гидромобинезоном, лезть за полосу прибор, как в основном делают местные жители. Лянтарюный слой (или по-другому «голубал земля») расположен под десятиметровыми слоями пустой породы. Действительно очень эффективный является второй способ, но он требует опыта и большой физической выносливости.

А на берегу Балтийского моря мы отдыхали всего пятнадцать дней, и я был маленьким. Конечно, если бы мы были с папой, то это было бы другое дело. А так мы не могли собирать лянтарь таким образом. Вот и мы воспользовались единственным возможным вариантом — старым, как мир, собирательством, хоть наши находки и исчислялись миллиметрами... Находка диаметром в сантиметр — уже уда-

ча, и она нам однажды улыбнулась. Из каждой поездки на Балтику я привозил полную коробочку (от зубного порошка) лятаря.

Когда я вырос, то смог прочитать о местных легендах и мифах связанных с происхождением лятаря. Одна из них рассказывает о божественной деве Юрате, дочери бога, которал жила на дне морском в прекрасном лятарном дворце. Однажды на вечерней заре она купалась в море, и её увидал молодой красивый рыбак Каститис. Она строго сказала ему, чтобы он не трогал её рыбок, иначе утонет, а он смотрел на чудесное создание и не мог наглядеться. И она смотрела на него и не могла оторвать взгляд. Не удержалась и поцеловала Юрате смертного. И поднялся вихрь, забушевало море, напоминал, что нельзя богам любить смертных. Погрузились влюбленные на дно морское, стали жить в лятарном дворце и забыли обо всём на свете, кроме своей любви.

Но Перкунас-громовержец, увидев их с небес, разгневался, метнул молнию в море, и оно разверзлось, и попала молния в лятарный дворец. Раскололся дворец, а Каститиса подняла волна на берег и стала целовать его. И до смерти зацеловала. А море с той поры выносит на берег кусочки лятаря – частичцы того лятарного дворца; и девушки, собирая лятарь, вспоминают о страстной и нежной любви Каститиса и Юрате. А когда море неспокойно, говорят, что это божественная дева плачет о своём возлюбленном.

А другая легенда, которую можно услышать в местах, где находится национальный парк «Гауля» в Латвии, по-своему видит историю лятаря. В глухом непроходимом лесу на берегу Ятарного моря, на самой верхушке старого бука жила Синяя птица Гауля. Она прятала неповторимо прекрасное лятар-

ное украшение у себя в гнезде. В этом лятаре отражались древние города, страны и таинственные народы, если смотреть на него с одной стороны; моря, горы и леса – когда повернуть его другой стороной; с третьей стороны видны были облака, поля и ривны, реки с белыми лебедями, а с четвёртой – персиковые деревья в садах, тенистые рощи. Узнал о Гауле и её лятаре тосканский король, и послал своего вассала, жестокого охотника Косо, приказав добыть ему волшебный лятарь.

Приплыл охотник на своём паруснике к берегу Ятарного моря, подкрался к гнезду Гауля, дождался, когда та улетела, схватил лятарь и поплыл домой. Но Гауля наступила его, схватила когтилами и подняла высоко в небо. Взмолился тут Косо, чтобы не губила его птица. Ответила ему Гауля: «Лятарь, что ты украл, земли дала тем людям, которые работают на ней своими руками и умеют добывать этот прекрасный камень своим умом и трудом, а не тем, кто имеет длинные руки».

Разжала когти Гауля, и выпал из них охотник. И хотя лёгким был лятарь, но, как самая большая тяжесть, потащил он вора на дно. Испугался Косо и выронил лятарь. Вернулся он в Тосканию ни с чем и был жестоко наказан королем. Гауля же навсегда улетила из этих мест, а от того лятаря появились деревья, ветви которых плачут лятарными слезами по улетевшей прекрасной синей птице, и каждая слеза напоминает о том сказочном мире, который видел принадлежавший ей лятарь.

Но самым ярким воспоминанием детства от поездок в Литву, был, конечно, Музей Лятаря, расположенный в бывшей усадьбе графа Тышкевича. Теперь это ботанический сад в Паланге. Перед усадьбой стояла величественная скульптура «Благо слов-

люющей Христос». Конечно, обойти пятнадцать залов музея не просто, нам понадобится около двух часов, чтобы рассмотреть большинство экспонатов. И мы наслаждались красотой древности. Не зря потом всю дальнейшую жизнь казалось, что лютарь — это капелка вечности, лежавшая у тебя на ладони.

Эти воспоминания подвигли Илью на мысль, что очень бы не помешало съездить к морю. Но, к сожалению, март и море в некотором смысле несовместимы. Поэтому ничего не оставалось, как сказать себе: «Утро вечера мудренее».

Впервые за последнее время Илья спал спокойно. Видимо, потому, что почти всё основное в его жизни определилось. На руках был диплом. Место работы. И сейчас был первый в жизни отпуск. Это была его последняя мысль. Казалось, что он и не спал. Его разбудил телефон.

— Привет, самостоятельный ты мой, — сказал на другом конце провода Василий.

Василий был лучшим другом Ильи. Он работал артистом в одном из театров, репертуар которого вызывал большой интерес у столичного бомонда.

— Что делаешь? Сегодня встречаемся в городе и, как обычно, вечером пойдём к Галочке Ивановне в «Актёр», а в полночь на поезд, и в Вильнюс.

— Деньги есть? — спросил Илья. У него денег не было, потому что работу в больнице он закончил, и все деньги потратил на вечерилку по случаю окончания училища. — У меня нет денег, и голова так болит.

— Не вопрос, мне оплатили вчерашний спектакль, ты же знаешь Илюш, что мне для тебя ничего не жалко.

— Ага, спасибо.

— Представлешь, Галл вчера поднялся в гастронOME простояла, ужас, одни талоны, ни где ничего нет, но мы сегодня что-нибудь достанем.

— Во сколько встречаемся?

— Сейчас я оденусь, заеду к тебе, и пойдём в город.

Илья не спеша оделся и вышел из дому. Автобус постоянно останавливался или притормаживал, толпы людей переходили дорогу возле центральных гастрономов, некоторые так спешили в магазин, что нарушали всякие правила дорожного движения. Он сам стал свидетелем, как какая-то бабка перебежала дорогу прямо перед автобусом, на что водитель резко и гулко просигналил на весь проспект. Но бабка не растерялась и громко заявила:

— Не при, сука! Перестройка перестройкой, а жрать всем надо, даже мне! Ты едешь и ехай, а в магазине уже сметана последил!

— У-у-у, чувывра! — крикнул ей водитель, но бабушка уже успела скрыться в змее магазинной очереди.

Илья встретился с Василием и они пошли в бар «Актёр». Войдя в бар, они услышали голос Галочки Ивановны:

— Водки нету!

Галочка Ивановна была одним из чудеснейших барменов города в «Актёре», в который пускали по удостоверениям членов актерской гильдии и остальных, принадлежащих к творческой элите. Кивнув ребятам, барменша одними губами сказала:

— Вас это не касается. Что хотели, ребята?

— Всё как обычно, — сказал Василий. — Посидим у тебя часиков до двенадцати, а потом поезд на Вильнюс.

Галочка Ивановна попросила привезти что-нибудь интересное, потому что ребята что всегда привозили ей милые сувениры, и сказала:

— Ребятки, садитесь за столики, сейчас Надя всё принесёт.

Надя была поварихой, а по совместительству официанткой, женщина огромных размеров и с потрясающими кулинарными способностями, блюда её пользовались популярностью.

Время в баре пролетело незаметно, и, попрощавшись с хозяйкой бара, Илья и Вася уехали на вокзал.

Вильно встретило их солнцем и улыбками прохожих.

Конечно, Илья и Василий могли повести себя как туристы — пойти на выставки, гулять по старому городу, фотографироваться на фоне достопримечательностей, но они просто зашли в небольшой уютный бар и заказали тушенные свиные уши с гороховой кашей, очень сытное и недорогое литовское блюдо, и водку с соком. После первого графинчика заказали ещё второй, третий, а потом пошли весёлые знакомства, тосты за дружбу, горячие пыльные споры с барменом о жизни в Беларуси и почему-то о фашизме, сигареты, случайные и страстные поцелуи с неизвестными девушками, снова тосты, обмен адресами и клятвенные заверения в том, что ещё раз обязательно встретимся, тяжёлая голова, бег по пустынным улицам Вильно на вот-вот уходящий поезд...

Сразу же по возвращении по дороге домой Илья решил зайти к двоюродному брату Мише. Тот был членом юношеской сборной по волейболу и как раз вернулся с соревнований, где они выиграли. У Миши уехали родители, чем и поспешили воспользоваться юные спортсмены, устроив на квартире вечеринку по случаю победы.

По пути Илья забежал в магазин, чтобы купить что-нибудь из спиртного, но его встретили пустые

полки. Илья расстроился и сунул в карман бесполезные талоны на водку. Тут вдруг возникла бойкая старушка и тихо спросила:

— Может, водка нужна? Отдам недорого, по двойной цене.

— Да, давайте, — обрадовано сказал Илья, вспомнив, что Василий по дружбе одолжил ему денег.

Купив у старушки две бутылки водки, он отправился к брату.

Вечеринка ещё не началась, волейболисты собиравшись, как оказалось, медленно и с опозданием. Каждый из приходивших громко приветствовал остальных, вытаскивал из сумок закуску и спиртное. Постепенно стол заполнился, и ребята уселись вокруг.

Илья успел познакомиться со всеми, но тут же забыл имена. После нескольких тостов начались громкие споры о спорте, прошедших соревнованиях и, разумеется, разговоры о девушках.

Илья разговаривал с Мишей о планах на ближайшее время, жаловался на то, что отпуск пропадает, поехать куда-то, так как март — неудачный месяц для поездок. У Миши была та же проблема, после соревнований им дали две недели отдыха до следующих сборов.

В прихожей громко зазвонил телефон. Миша вышел, его не было минут пять, потом он заглянул в комнату и замахал Ильё:

— Ильяша, подойди сюда! К телефону!

Илья удивленно поднялся и проbralся в прихожую.

— Дядя Рува звонит!! Из Одессы! На свадьбу зовёт! — закрывал трубку рукой, прошептал Миша.

— Але! — сказал Илья, и перед его глазами моментально всплыл дядя Рува, маленький, худощавый

и жизнерадостный, вечно с какими-то делами и встречами.

— Але, але! Ильюша! Мальчик мой, рад тебя слышать! Как хорошо, что застал тебя у Мишеньки! Я долго говорить не буду, ещё много кому позвонить надо! Леночка наша, дай Бог ей здоровья, замуж-таки выходит! Ждём вас в следующую субботу! Но можете приехать раньше. У нас уже и распогодилось, — быстро, не давая вставить ни слова, со своим неподражаемым одесским акцентом затараторил дядя Рува.

Илья положил трубку и посмотрел на Мишу.

— Ну, вот видишь, все проблемы с отпуском решились, — сказал он.

— Ага, завтра поедем за билетами? — закивал Миша. — Жена нашего тренера работает диспетчером в аэропорту, билеты без проблем и лучшие места будут! Зачем нам в кассе толпиться. Только давай раньше поедем денёк на три, погуляем, покажемся на штейгере, вишнёв попьём.

На следующий день братья встретились на автовокзале и поехали в аэропорт.

Оставшееся до полёта время прошло в сборах и поисках подарков. А день перед отъездом прошёл в бесконечных визитах к родственникам, которые не смогли поехать на свадьбу, но непременно хотели что-нибудь передать.

Наконец-то наступил долгожданный день. Илья с Мишей встретились в аэропорту, быстро прошли регистрацию и сели в самолет.

В самолете братья неожиданно и незаметно для самих себя слегка окосели от предусмотрительно захваченной Илеей бутылки водки.

Одесса сразу приняла подвыпивших и весёлых братьев в свои шумные, суетливые и солнечные объ-

ятия. Ребята сели в такси и поехали на улицу Фрунзе, бывшую до прихода большевиков знаменитой Молдаванкой. Таксист, как и все одесские таксисты, всю дорогу рассказывал анекдоты и сплетни о своих соседях.

Братья позвонили в дверь, которая сразу же открылась. На пороге стояла улыбающаяся Лена — счастливая невеста и виновница поездки.

— Проходите, проходите! — расцеловала их она. — Папа, мама, мальчики приехали!

Из кухни выплынула тётя Тамара.

— Мальчики, ой, ну наконец-то! Заждались мы вас! Проголодались с дороги, я как раз вам пучечек нажарила! — пучечками тётя Тамара называла куриные ножки. — Давайте, проходите, раздевайтесь, остынет всё! — радостно говорила она.

Тётя Тамара была крупной крашеной еврейкой, ещё сохранившей остатки былой красоты, за спиной которой могло укрыться два дяди Рувы.

— Рува, Рува, да где же ты! Не спишишь что ли, мальчики приехали!!! — крикнула она своим зычным голосом.

Из комнаты вышел дядя Рува.

— Ой, а я и не слышал совсем, телевизор смотрел! — сказал он, пожмал ребятам руки. — Подростки-то как, возмужали. Готовые женихи, скажи, Томишка!

— Женихи, женихи. К столу давайте быстро.

Сели за стол, который ломился от закусок и пучечки были не главенствующим блюдом. Стояли тарелки с колбасой, рыбой, соленьями и даже салат из свежих огурцов, помидоров и перца, невиданный для Беларуси в это время года. Дядя Рува извлёк из недр своей огромной квартиры большую бутылку с иностранной этикеткой.

– Виски «Джеймсон». Настоящий, ирландский, десять лет выдержки! – горделиво сказал он, разливал по рюмкам лютарную жидкость.

Ребята осторожно попробовали незнакомый напиток, о котором читали только в книгах.

Илья поморщился, но из вежливости выпил. А Миша сказал:

– Ого, интересный вкус. Мне нравится очень. Давайте ещё по одной.

– Я пас, – сказал Илья.

– Не нравится, Ильюша? Могу водочки принести, вина, ликера. Что хочешь? – разволновался дядя Рува.

– Водки, если можно.

Пообедав, выпив, обсудив все новости и отдав все передачи, Илья с Мишей решили погулять по Одессе.

– Деньги на мелкие расходы лежат в вашей комнате на верхней полке в шкафчике, – сказал дядя Рува. И ключ возьмите от дома на всякий случай, если поздно придете.

Увидев сумку на мелкие расходы, Илья присвистнул:

– Тысяча рублей, ну, даёт дядя Рува!

Миша обрадовался.

– Ох, и погуляем, Илюха!

Ребята сразу решили заглянуть к другу детства Грише, который жил в соседнем подъезде. Он оказался дома и очень обрадовался, увидев старых друзей.

– Ну и встреча! Привет! Тётя Тамара говорила, что вы приедете. Я вас так ждал! – радостно кричал Гриша, обнимал Мишу и Илью. – Ну, что идём гулять?

– Конечно, мы за тобой и зашли для этого, а уже все разговоры по пути!

Решили идти в порт, где у Гриши на экскурсионном портовом катере работал барменом друг, чтобы там отметить встречу.

Встреча прошла успешно, Илья с Мишей вернулись домой поздно, когда все уже спали. Миша притащил из кухни банку кизилового компота на утро.

Дни до свадьбы пролетели в прогулках по городу, посещениях одесского Пассажа, знаменитого Оперного театра, катании на экскурсионном трамвайчике вдоль побережья, ещё кое-где покрытого остатками льда, в Аркадию, где и раньше любили кататься на канатной дороге.

Наступил знаменательный день свадьбы. С шести утра начали собираться ближайшие родственники, благо пятикомнатная огромная квартира могла их вместить. Возвзошедшая Лена не могла по комнатам, терла многочисленные заколки, ленточки, подбегал к зеркалу, и периодически кричала:

– Мама, ну где же этот парикмахер?

В двенадцать к дому торжественно подъехал кортеж автомобилей. Такого изобилия иностранных машин Илья ещё не видел. Во главе кортежа был шикарный белый лимузин. Подкатило несколько автобусов для гостей желающих ехать в ЗАГС.

После росписи гости поехали на банкет, где их уже ждали те, кто на росписи попасть не смог, потому что ни один одесский ЗАГС не смог бы вместить две с половиной тысячи человек, которые собрались на эту свадьбу.

Огромный концертный зал одного из Домов культуры был украшен воздушными шарами, праздничными плакатами и мишурой. Столы были поставлены двумя огромными буквами «П», за которыми сразу же потерлись жених с невестой. На сцене

музыканты настраивали аппаратуру. Гостей, сопровождав одесскими шуточками, рассаживал маленький полный тамада, похожий на Романа Карцева.

Свадьба была в одесском стиле – богатой и по-еврейски весёлой и шумной. Более часа заняли одни поздравления, и полчаса ушло на зачитывание телеграмм от родственников и друзей со всех концов света, которые не смогли приехать на торжество. Илья с Мишей с кем-то постоянно знакомились, шли за счастье жениха и невесты, танцевали. К вечеру гости разбились на большие и маленькие компании. Всё время звучала неповторимая еврейская музыка и песни. Первый день закончился далеко за полночь, гостей развозили по домам на автобусах.

Длилась свадьба три дня. На второй день у дяди Рувы остались близкие родственники, на третий день собрались у родителей жениха.

Большинство гостей уехали ещё в воскресенье, потому что в понедельник нужно было на работу, а Илья с Мишей остались ещё на несколько дней, которые чудесно провели в Одессе, встречаясь с новыми знакомыми.

Отдохнувшие, с массой новых впечатлений, братья вернулись в Минск. И вот здесь Илья почувствовал, что пора отдохнуть от отдыха. Тем более что у Лены подошла к окончанию её сверхурочная работа, и можно было вместе проводить вечера и выходные. Наверное, именно поэтому остаток отпуска пролетел на одном дыхании, ведь влюблённые часов не наблюдают. А наблюдать приходилось только одно: с утра до вечера Илья проводил время с Леной.

И как-то совершенно неожиданно Лена сказала: – А ведь завтра тебе на работу.
И, как ни странно, она оказалась права.

ГЛАВНОЕ, НО НЕ ПЕРВОЕ

Илья много передумал о том, как же ему входить в ту работу, которая уже до некоторой степени стала привычной. Ему даже показалось, что он что-то сделал не так. Если бы он действительно первый раз переступал порог больницы, то, по-видимому, ощущал бы какое-то волнение. А здесь было что-то иное – понимание того, что по большому счёту это его работа на всю оставшуюся жизнь, что означало наличие совершенно иного подхода. А вот какого, Илья никак не мог додумать.

И вот наступил первый рабочий день. Илью определили работать на линии. Линии назывались линейные бригады, которые выезжали на вызовы такого плана: болит нога, болит живот, чешется пятка. Да, не удивляйтесь – чешется пятка! Человека, которому ампутировали конечность, мучают фантомные боли и ощущения, и вот это желание почесать несуществующую часть тела может свести человека с ума! На вызовы более существенного характера выезжали специализированные бригады. Их комнаты располагались на втором этаже станции скорой. Это была её элита!

Илья поднялся на второй этаж к старшему фельдшеру, и та предложила ему переписать описание на стенде возле окошка раздачи и сообщила, что первые десять смен ему предстоит работать учеником, но на его зарплате этот никак не отразится. На этом первый день закончился, так как отдел кадров оформил документы.

На другой день, подход к станции, Илья взглянул на небо. Оно было необычно тёплое. Илья посмотрел на здание и увидел эти окна, двери... Да, они были ему знакомы на практике, но сейчас он

смотрел на них абсолютно по-новому. Практика началась и закончилась, а сегодня какое-то странное чувство охватывало его: было и интересно, и слегка страшно. Повеяла дверь открывалась в его жизни.

— Эй, чё стал, отойди, разлва ты этакал! — раздался голос из проезжающей машины скорой помощи.

Именно таким образом его поздравили с началом работы.

Машина пронеслась, словно вихрь и Илья остался утирать капли дождевой воды! «Чёрт, день начинается, первал работа, а уже такой красавец! Ну вот, кажется, слегка отёрся. Ну что пора знакомиться. Здравствуйте, Илья. Тётя, гордишься мной!»

Войдя в коридор, он прошёл до конца, открыл уже знакомую дверь и увидел стенд.

Возле стенда лежал журнал с номерами сформированных бригад. Илья оказался в паре с женщиной, проработавшей на станции более десяти лет.

— Тебя как зовут? — спросила она.

— Илья.

— А меня Марина. Доктор сегодня у нас хорошо, так что смена должна быть спокойной. Фельдшерские у нас две, одна мужская, одна женская...

— Я знаю, — сказал Илья. — Я здесь проходил гос-про актику.

В фельдшерской оказалось пусто, мужчин на линейных бригадах было мало — почти все работали на спецбригадах. На линейки работали только старики и совсем бестолковые парни. Ещё ночами подрабатывали студенты. Илья сел на топчан у окна и задумался: «Всё это, вроде, когда-то было. Привычно. Противно. Зеркально. В детстве мы ковырялись в песочницах, строили песчаные домики. Уезжал летом на юг, на берегу моря строили песчаные замки.

Бог мой! Какое сладкое и беззаботное это было времячко! Ни за что не отвечал, мы всё-таки начинали примерять свои судьбы. Медленно из ничего мы превращались каждый в своё, но это тогда казалось медленно, а сейчас оказалось быстро. Время не текло песочной струйкой, увы, а неслось бурным не останавливающимся потоком по нашим жилам. И вот сейчас каждый стоит перед своим зеркалом».

Дверь в фельдшерскую открылась, заглянула Марина:

— Илья поехали. И включи радио. Чего оно у вас выключено?

По радио вызывали на выезд бригады. Илья пошёл с Мариной к машине. Возле машины стояла доктор.

— Добрый день, — сказала она. — Меня зовут Татьяна Степановна.

— Илья.

Они расселись по креслам в машине и поехали.

— Что за вызов? — спросил он у Марины.

— Давление у старика. Учти, что почти половина вызовов на линейке — это наши постоянные клиенты. Некоторые вызывают нас по несколько раз на дню, кто-то дважды в месяц, а сейчас едем к одному очень интересному старику — поэту.

Машина запетала по переулку частного сектора. Подъехали к аккуратному одноэтажному домику, зашли в калитку, навстречу им вышла большая собака и дружелюбно завиляла хвостом. В городе давно сошёл снег, а в огороде кое-где он лежал грязными апрельскими кучами. Собака, которая шла впереди, толкнула лапами дверь, как бы приглашал в дом. Обстановка была не богатая, но аккуратно поддерживали хозлева, это точно. Большие сенцы, как в сельской хате, потом комната с запахом

гречневой каши и подсолнечного масла, дальше шла спальня.

В спальне стояла кровать, на ней сидел старичок приятной внешности лет восьмидесяти, на его голове был колпак из газеты. Он сидел гордо и величаво среди больших подушек, двух огромных книжных шкафов. Стены также были увешаны полками с книгами. Получалось, что каждый день этот человек просыпался в своей комнате, и всё начиналось с обозрения книг, написанных им в течение жизни. Книжки были разные: от почти карманных до значительных размеров.

Но надо было заниматься большим, у которого резко подскочило давление. Обычная, стандартная процедура, соответствующий укол, таблетки и необходимое ожидание, чтобы убедиться в результате. Пациент вёл себя спокойно. Завязался неторопливый разговор. Поэзия была основным счастьем бывшего преподавателя одного из вузов. Как сопромат мог соединиться с музыкой, было трудно понять. Но после того как Илья прочитал вслух несколько стихотворений, стало понятно, что всё-таки что-то соединилось. По крайней мере, стихи были искренними. Но, что поразительно, все книги были самиздатовские. Автору везде отказывали. В чём-то ему помогали родственники, в чём-то студенты или просто добрые люди. А сегодня этот человек жил только своей поэзией в условиях, когда люди потеряли малейшие ценности. А с другой стороны, при наличии денег выплёскивалась любовь порнуха.

Дедушка, так его ласково про себя называл Илья, сам прочитал на память несколько своих любимых стихотворений. Голос у него был тихий, надтреснутый, но в тишине звучал необычайно. Стихи явно были музыкальными. Вся бригада заслушалась.

Неожиданно дедушка задал вопрос:

— Вот кому бы всё это передать? Потому что выбросят... А ведь жалко...

Илья задумался. А если, действительно, договориться с ним и отдать это богатство в какую-нибудь больницу, где, возможно, люди с удовольствием будут читать хорошие стихи? Но на этот раз Илья промолчал, так как всё-таки с ним были старшие и более опытные коллеги. Так что вопрос повис в воздухе.

Подошло время. Опить тот же ритуал. Давление изменилось к лучшему. Дедушке оставались необходимые рекомендации и попрощались с ним. Одно было непонятно: почему участковый врач не может обеспечить уход человеку, когда он остался один? А ведь в это время, в которое они, возможно, спасали одного, спастись надо было многим. Получалась не совсем скорая помощь.

Второй визит был похожим по диагнозу — тоже давление.

— Едем к Герою Советского Союза. Сейчас увидишь, как у нас герои живут, — сказала Марина.

Машина подъехала к двухэтажному домику на одной из центральных улиц города. Дверь в квартиру была открыта. Пахло душным, неприятным воздухом. На кровати, среди белья не первой свежести лежал пожилой мужчина без ног, с грязно-серой бородой. Илья ничего не понял, а потом заметил на тумбочке возле кровати штук десять бутылок с жидкостью и надписью «стеклоочиститель». Возле окна сидела пьяная женщина и делала из бумаги цветы. Перед ней стояло ведро полное плодов её творчества.

— Через неделю вербное воскресенье, — ужмылинулась она, заметив взгляд парня.

«Наверное, этим они зарабатывают на жизнь»,
— подумал Илья.

— Ну, как жизнь героя? — спросила Марина.

— Вроде ничего, только голова сильно болит.
Видать давление, — ответил мужчина.

Далее последовала обычная процедура заполнения бумажек, измерения давления и уколов. По отсутствию реакции у врача и фельдшера Илья понял, что это обычная ситуация в этой квартире. Ещё раз измерив давление и попоцавшись, они вышли и сели в машину. Доктор запросила по радио вызов и, получив отбой, они поехали на станцию.

— Ну, как впечатление? — спросила Марина в салоне у Ильи.

— Ужас!

— Дочь алкоголика, стеклоочиститель ему покупает, чтоб помер быстрее, а квартира ей досталась. Сама чернила пьёт и цветами самодельными на кладбище торгует. А дед крепкий, уже пять лет к нему ездит, а ему всё ничем только иногда давление немного скачет... Да, жили люди, воевали, а разве кто-нибудь знал, что вот так жизнь обернётся. Да ещё десять лет назад, как я на скорую пришла, люди друг за дружку были, как муравьи. И соседи помогают, заболешь — за лекарством сходят, свадьба — вместе, праздники тоже. А сейчас что? Все закрылись, обзавелись, зависть заела людей: то денег мало, то квартира маленькая. Умирать будешь, тебе и собственный сосед руки не подаст, дочь родная в могилу сведёт. Волки, волки... просто стал, который пожрёт себя! Сколько живу, всегда была атеисткой, а вот недавно дочь книгу принесла, ну, про Иисуса, и там, в конце написано про последние дни, я хоть и не верю в бога, а почитала — и как про нас написано. Страшно мне стало, что за время наступило!

Илья прикрыл глаза. Вкус времени стал горьким и грязно-синим, как борода старика. У каждого карты по-разному ложатся, кому-то туз, кому-то шестёрка. И полосы жизни также у всех разной длины: чёрная, белая, серая, как зебра. Учёные долго выясили, зебра — это животное чёрное с белыми полосами или белое с чёрными. И оказалось, что, как жизнь, это животное чёрное с белыми полосами. У каждого человека своё плавсредство в жизни: у одного лодочка, у другого «Титаник», поэтому у каждого свой размер айсберга.

Все эти размышления в конечном счёте были связаны с многообразием увиденного и прочувственного. А ведь на следующий день всё повторилось сначала, ибо количество больных в каждом районе условно постоянно. Так что день на день был похож. И Илья привык к такой размерности. Хотя его натура требовала чего-то иного, так как его логика подкреплялась своеобразными чувствами.

Илья иногда писал стихи, но в силу своей заниженной самооценки не считал это кому-то нужным. И вот сейчас, идя на работу, он размышлял: «Конечно, я выпиваю иногда. Ну ладно — я иногда напиваюсь. Но это просто одна из частностей моего мира, в котором я живу. Медицина и алкоголь, совместимые понятия, а тут ещё и искусство».

В свободное время Илья играл в народном театре, благо перестройка не успела уничтожить интерес народа к театру, который являлся отдушиной для простого труженика. После тяжёлой смены человек мог расслабиться, посидеть в уютном мягком кресле и послушать незамысловатые фразы, доносившиеся со сцены. Мог поразмышлять: «Ведь самое страшное для человека — НЕ ДУМАТЬ! Я пытаюсь, как могу, избежать этого состояния — не думать, и это

приводит к определённым последствиям. А алкоголь каждый раз медленно растекается по моему телу, дарит мне ни с чем не сравнимое тепло, затуманивал ненужные мне мысли, предлагает мне другую жизнь, подсказывает выход, но мне иногда не хватает совсем чуть-чуть, чтобы услышать и понять этот совет. И тогда начинаешь мечтать, писать...»

Илья мечтал познать то, что не ведомо ни одному человеку. Он мечтал донести свою мысль через рифму своим друзьям-приятелям. Благодаря стихам Илья понял, что сможет покинуть этот мир, обязательно возвратившись туда, где сможет действительно жить, где ему будет хорошо, где он будет своим.

Очень тяжело бежать от себя. Но Илья старался, очень старался, долго экспериментировал и тренировался, чтобы убедить себя в том, что ему здесь не место. В конце концов, он просто сумел убедить себя в том, что действительно ненормален. И что всё равно придётся остаться здесь. Пока. На время. Дальше — легче...

Илья знал, что где бы он ни был, найдёт себя снова. И совсем не хотелось думать о том, что все тоже найдут его где угодно. Он думал только о том, чтобы спасти свою любовь от окружающих, и надеялся, что успеет сделать это до того, как они его, возможно, уничтожат. Он не понимал ещё, что только сам человек может безжалостно расправиться со своими чувствами, бездарно распорядиться своей жизнью...

Мысли закончились, когда Илья вошёл в здание станции и направился к гардеробу переодеваться.

Навстречу шёл заведующий станцией.

— Штургов, зайдите ко мне через десять минут, — сказал он, проходил мимо.

«Как кстати, — подумал Илья, — заодно, попробую завести разговор, с которым уже давно хотел подойти к заву».

Переодевшись, Илья зашёл в кабинет заведующего.

— Владимир Петрович, когда Вы последний раз были в мужской фельдшерской? — с порога завила Илья.

Владимир Петрович удивленно спросил:

— А в чём дело?

— Рулетка у Вас далеко?

— В столе, а что такое? — немного раздражённо ответил зав.

— Соберите трудовую комиссию и пойдёте в фельдшерскую, — сказал Илья и вышел, резко закрыв за собой дверь.

Комиссия состояла из заведующего и председателя профкома.

Быстро зайдя в фельдшерскую, Владимир Петрович захлопнул дверь, поднял к ней кушетку и, повернувшись к Илье, спросил:

— Так что же Вы хотели нам сказать, уважаемый наш?

— Прилягте-ка Вы, Василий Иванович, на эти кушетки, — попросил Илья.

Не понимал, в чём дело, кряхтя, удивленный комиссия выполнила эту просьбу.

Председатель профкома произнёс:

— Заметьте, я говорил об этом, когда ещё был фельдшером, а сейчас мне, уже, простите, пятьдесят лет!

— Минуточку, — сказал зав и извлёк из-под халата бутылку спирта, достал из кармана газету и вытряхнул на неё из пакета из-под молока несколько солёных огурцов. Как по волшебству из этих же кар-

манов появились перочинный ножик и стаканы. После первых ста грамм все присутствующие снова опустились на кушетки.

— А не кажется ли вам, что они стали значительно мягче? — задумчиво произнёс Василий Иванович.

Взглянув на кушетки, Илья показало, что они приняли изогнутую форму.

— Удобно? — спросил зав. подстанцией. — Наливаю по второй!

Мужики выпили снова, закусили хрустящими солёными огурцами, и случилось чудо! Плоские неудобные кушетки превратились в мягкие кресла.

— Ну вот, так и оставляем, — радостно сказал заведующий.

«Ндааа... оставляем», — подумал Илья.

— Предлагаю завершить наше собрание и выпить по третьей, — сказал зав. — И, вообще, Вы, Шутуров, отвлекли меня от основного разговора, для которого я Вас вызвал.

— А в чём, собственно, проблема? — спросил Илья.

— Да не проблема. Вы уже достаточно поработали на линейных вызовах. Старший врач общей реанимации выразил желание, чтобы Вы работали в его коллективе. Вы его полностью устраиваете.

«Ни фига себе!» — подумал Илья, — работать в этой бригаде... Об этом можно было только мечтать!»

— Думаю, что Вы не против, — сказал заведующий.

— Конечно же, нет, — ответил Илья.

— С понедельника мы внесли Вас в график.

Но на этом сюрпризы этого дня ещё не закончились. На станцию приехало телевидение, им срочно нужно было снять сюжет с мчащейся машинной

скорой помощи. Девчата попросили Илью выполнить просьбу съёмочной бригады. Водитель попался толковый, с ним любил ездить все доктора. И Илья гордо промчался с мигалками по проспекту, оглушал прохожих звуками сирены, перед камерами, ехавшей впереди машины телевизионщиков.

Вхождение в новый коллектив не было ни сложным, ни простым, скорее всего даже скучным и рутинным. Можно было приносить с собой еду, класть её в холодильник, смотреть телевизор. В работе спецбригады были свои плюсы и минусы. Обычный вызов мог длиться не более часа, это был вызов на вызов линейной бригады. Как правило, это была констатация смерти.

Одним из первых вызовов Ильи стал выезд на выпускной вечер одной из школ города. На ступеньках школы бригаду встретила директор.

— Ребята, я вас умоляю, спасите её. Сын — самый лучший ученик. У неё всегда было большое сердце. Она так хотела, чтобы Максимка окончил школу. И, представьте, она начала танцевать с ним вальс и упала! А ведь кроме матери у него никого нет! — директор бежала впереди бригады, бормотала, причитала, слёзы текли по её лицу.

Илья вбежал в кабинет, там уже трудилась линейная бригада, увидев реаниматологов, врач поднял голову и развёл руками.

— Всё, уже бесполезно, завести её уже не получится.

Но бригада начала попытки реанимации с удвоенной энергией. Действия ни к чему не привели, так как смерть давно вступила в свои права, и вырвать женщину из её лап было уже не в силах даже профессионалов. Сложив дефибриллятор и бросив последний взгляд на труп, лежащий на столе дирек-

тора школы, Илья вышел из кабинета и столкнулся взглядом с сыном умершей. Желание обнять парня и сказать ему слова, которые не смогут заглушить его боль, остановили Илью от этих действий.

— Крепись, мужик, — неестественным голосом сказал Илья.

Опустив голову, он быстро пошёл к выходу, слыша за спиной рыдания парня. Было страшно от сознания собственной беспомощности, от того, что ты не смог подарить человеку веру в счастье. Ты уйдёшь, а он останется один в осознании чувства собственной одиночества. В эти моменты Илья всегда мечтал о волшебной палочке, взмаха которой так порой не хватало в жизни.

Именно после этого вызова Илья задумался о смысле своей жизни. Когда он шёл на работу, ему казалось, что начинается нечто главное. И, возможно, это было именно так. Но он чувствовал, что всё это началось гораздо раньше, так как он был готов к происходящему сегодня.

ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ, НО НЕ ЛУЧШИМ ОБРАЗОМ

Дневная смена не заладилась с самого начала. Придя на работу и подойдя к журналу дежурств, Илья поморщился. Врач Семпилов, с которым предстояло отработать смену, был, в принципе, неплохим мужиком, вот только не ездил на вызовы без обязательного «оптпидеслтптраммливания» до вызова и после. Он был уже пенсионер. Водитель тоже был из числа пенсионеров, который даже на срочный вызов ездил со скоростью сорок километров в час.

«Но, ничего не поделаешь, как-нибудь отработай дневную смену», — подумал Илья.

До обеда было пару вызовов, температура, головная боль, в общем, ерунда. В час дня бригада Илья получила очередной вызов. Доктор к этому времени был уже в хорошем настроении и визит был противный — общественное место, разгар обеденного времени, в магазине в очереди женщины стало плохо.

— Ну, ничего, приедем, сделаем кардиомигчик, наверное, как-то бабка за колбасой недостоила, — весело сказал Семпилов.

Они сели в машину и поехали на вызов.

— Слышь, Вася, — обратился врач к водителю, — будешь подъезжать к месту, мыгалку-то вруби и сириной шагни пару раз, общественное место всё-таки. А то, как обычно, разволнются, что скорую ждать надо, она не торопится!

Когда они зашли в магазин, продащица проводила их в кабинет заведующей, где на диванчике лежала больная, рядом сидела женщина с яркой сумкой. С первого взгляда стало понятно, что одним кардиомигчиком бригада здесь не отделается. На-

лицо были все признаки инсульта, к тому же женщина была без сознания.

— Доктор, это моя подруга, мы вместе в очереди стояли, год назад у неё инсульт был, — взволнованно проговорила женщина с лркой сумкой.

Действовать нужно было быстро, доктор измерил давление, Илья сделал несколько уколов, чтобы снизить давление и немного снять отёк головного мозга.

Ситуация осложнилась тем, что больных с инсультом не госпитализировали машинной скорой помощи, им была противопоказана тряска, как правило, их оставляли дома на пару дней. Но тут было место общественное, требовалась госпитализация. Можно было, конечно, вызвать спецбригаду, но это было лишнее время, к тому же она могла быть на вызове. Доктор решил везти самостоятельно.

— Водитель у нас спокойный, не растрясёт, — сказал Семпилов Илье. — Иди, скажи, чтоб нес носилки.

Женщину погрузили на носилки и отнесли в машину, которая подъехала с черного входа, чтобы не нести её через весь магазин.

Усадив сопровождающую рядом с носилками, бригада выехала со двора на проезжую часть, включив мигалку и сирену.

— Доктор, доктор! — позвала сопровождающая. — Посмотрите, что с ней. Илья оглянулся и увидел, что лицо больной посинело, и изо рта шла пена.

— Припаркуйсл к обочине, — сказал Семпилов, выскочил из кабины и быстро залез в салон. Померил давление, оно было высоким. Илья сделал укол и пересел вперёд к водителю.

— Васл, давай-ка побыстрей, — сказал доктор.

«Да Васе что быстрее, что медленней, — больше чем сорок километров он ездит не умеет, ползёт как черепаха», — подумал Илья.

— Сейчас попробуем, — пробубнил Васл.

Он напыжился, произвёл несколько манипулций с ручкой переключения скоростей, но машина быстрее ехать не стала.

— Ты хоть сирену включи, — раздражённо сказал доктор.

— Не нужно, она меня отвлекает от дороги, — отозвался Васл.

День был солнечный, поэтому мигалка без сирены не бросалась в глаза. Возле ГУМа машине нужно было повернуть налево. Поворот днём был запрещён. Может быть, если бы звучала сирена или Василий ехал немного быстрее, всё бы обошлось.

Встречный «МАЗ», груженный холодильниками, пытался проскочить на жёлтый сигнал светофора и думал, видимо, что скорал успеет проехать, не притормозил, и машина на полном ходу врезалась в салон автомобиля скорой помощи. В зеркало заднего вида мельком Илья успел заметить, как через сорванную с петель заднюю дверь автомобиля вылетают на проезжую часть, как бритвой срезанные с места, носилки с большой под колёса с визгом тормозящих машин, а за ними врач и сопровождающая. В тот же момент шедшая сзади на большой скорости двадцать первый «Волга» ударила в скорую. Последнее, что запомнил Илья, это полёт через переднее стекло на асфальт.

Когда он открыл глаза, то увидел перед собой лицо врача реанимационной бригады.

— Живой? — спросил он.

– Относительно, – с трудом ответил Илья. Он попытался сесть, опершись рукой на асфальт, перед глазами полетела карусель, и он опитть лёг.

– Лежи, лежи, – сказал врач, – сейчас тебя потрузим и поедем в больничку.

«Сознание работает, – пронеслось в голове у Ильи, – руки, ноги вроде целы».

Уже в машине Илья спросил у фельдшера;

– Что с остальными?

– Семипидова «трава» забрала, – ответил тот, – больной аут, сопровождающая тоже готова – попала под колёса встречной машины. А у Васьки, как думаешь, что? – спросил фельдшер.

– Что?

– Царапина на руке, правда, глубокая. Весь удар – на правую сторону салона пришёлся.

Илья вздохнул и подумал, что дуракам всегда везёт. «Если бы он ехал быстрее, мы бы размялились с этим МАЗом».

В приёмном покое Илью приняли быстро, всё же коллега, и положили в отдельную палату для медработников. Ему повезло, он отделался сильным сотрясением головного мозга.

На следующее утро в палату зашёл врач.

– Мы вчера тебе сделали томограмму головного мозга, и вот что я тебе скажу, коллега, давай без кошек-мышек поговорим. Сотрясение у тебя есть и приличное, но помимо сотрясения есть небольшой гематома. В голову к тебе лезть, резона нет. Полный покой – меслцок, но и, сам понимаешь, работа на скорой тебе годика на три заказана.

Это было как гром среди ясного неба. На скорой другой работы, как выездного фельдшера, для Ильи не было.

– Ты не расстраивайся, у нас полежишь, полежишь, потом пару месяцев на бюллетене в поликлинике посидишь, потом тебе месяц отпуска дадут, а потом о дальнейшем будем говорить.

«Ничего себе, не расстраивайся! Хотя с другой стороны расстраивайся – не расстраивайся, но содеянное не вернёшь», – подумал Илья. Волшебной палочки, о которой он так мечтал, не было, зато была обычный больничная кровать. Ежедневно забегала Лена, навещали друзья и, несмотря на запреты, угощали Илью «крепким чаем». И если первое время он как-то смирился со своим положением, приняв решение всё-таки долежать в больнице, то когда наступил предпоследний день, Илья лежал, глядел в потолок, и размышлял, что же ему делать дальше. В голову ничего не приходило. Поэтому он решил отложить эти размышления на неопределённый срок.

Выписавшись из больницы, Илья бездельничал вторую неделю, сидел на бюллетене. Врачи советовали съездить отдохнуть. Ехать одному никуда не хотелось, да и июнь в этом году выдался дождливый. Но он подходил к концу, а июль по прогнозам обещал тёплым и солнечным.

День был без дождя, но пасмурный. Илья решил прогуляться в центр. Зайди как обычно в бистро, поздоровавшись с барменом, он заказал кофе с коньком и подсел к группе знакомых ребят, с которыми часто тусовался в центре.

– Привет, привет, – обрадовано заговорили они. – Давно не виделись. Какие планы на июль?

– Да не знаю ещё, не думал, – сказал Илья.

– А мы на следующей неделе в Крым хотим рвануть, но не решили точно куда.

– Хм.... И сколько нас поедет? – протянул Илья, улыбался.

— Ура! Решили с нами? Вот люблю я тебя за твою решительность и спонтанность, — хлопнул его по плечу один из друзей. — Как со здоровьем, кстати?

— Ай! — отмахнулся Илья. — На скорую не вернусь, врачи пока рекомендовали съездить отдохнуть. Так, хватит обо мне и болтиках, предлагаю маршруты нашей поездки: Феодосия, Коктебель-Планерское, Судак. Три города, по четыре дня в каждом городе. А там решим, куда ещё съездим. Бомонд мы или не бомонд, наконец? Проедемся по местам отдыха творческой интеллигенции девятнадцатого века, только в Баден-Баден заезжать не будем, — пошутил Илья.

Ребятта согласились, так как за месяц объехать несколько южных городов не удавалось ещё никому.

Илья решил взять с собой Лену, потому что многие из ребят тоже ехали с девушками. Компания собралась большал — одиннадцать человек.

Лена очень обрадовалась предложению провести вместе отпуск.

Феодосия встретила их солнцем, запахом моря и загоревшими лицами отдыхающих.

Распорядок дня у ребят был вполне обычным. Утром — пиво с креветками и копчёными рапанами у моря, купание, загорание. Обед — в одной из прибрежных кафешек, сиеста, а вечером Илья в отличие от ребят, которые сидели в баре с громкой музыкой, водил Лену по музеям. Побывали в музее Грина, в галерее Айвазовского, на выставке бабочек.

Гуляли в Приморском парке с фонтаном Айвазовского, который был построен в 1888 году по проекту и на средства великого мариниста. Забирались на башню Константина — одну из многих, оставшихся в городе после генуэзского владычества.

Они ездили в природный заповедник, расположенный у потухшего вулкана Кара-Даг, посетили одну из главных достопримечательностей — Дом-музей Максимилиана Волошина, поэта, художника, краеведа, археолога-любителя, отыскавшего вблизи Коктебеля остатки древнего поселения.

Ребятта заметили, что Илья с Леной увлечены экскурсиями и решили присоединиться к ним, так как однообразное проведение времени порядком наскучило. Илья свозил ребят на экскурсию в жемчужину винодельческой индустрии Крыма — Завод марочных вин и коньяков «Коктебель». Конечно, больше всего ребятам понравилась часть экскурсии в самом конце, когда им было предложено продегустировать напитки. Когда ребята вернулись, остаток дня и ночь они провели в глубоком сне...

Вместе они совершили множество увлекательных путешествий морем вдоль Карадага, на Тепсень, к мысу Хамелеон, в Двукорную бухту, на горы Сюрю-Кад, Легенер, Клементьева, в Щебетовку.

Лена вместе с ребятами заворужено слушала рассказы Ильи, который с каждым днём влюблялся в неё всё больше и больше.

Последним городом путешествия был Судак, Илья специально припас эту изюминку напоследок, заставив ребят ощутить дыхание времени.

Судак был заполнен курортниками, как обычно в разгар лета. В первый день ребята с интересом взирали с пляжа на возвышающуюся над городом средневековую крепость. На следующее утро они отправились туда.

Внутри у ребят разбегались глаза: вокруг были живописные развалины, экзотические строения, крепостные башни — их было четырнадцать, четырнадцать величественных строений. Илья рассказал ре-

блтам, что Александр Сергеевич Пушкин, к сожалению, так и не добрался по суше до крепости. Зато он долго любовался ею с моря летом 1820 года с борта брига «Або», на котором великий поэт плыл из Керчи. Однако Пушкин нигде не оставил об этом ни строчки. Но, может, именно этот вид нарисовал его поэтической натуре выступающие, подёрнутые дымок крутые берега с куполами церквей, и родился сказочный остров Буян — «остров на море лежит, град на острове стоит». Живописные, утопающие в зелени склоны острова спускались к самому берегу.

Время у моря летело быстро. Но если ребята, Впрочем, как и Лена, могли часами валтаться под жарким солнцем, периодически погружаясь в воду, тёплую, как парное молоко, а также поглощая все прелести юга в виде шашлыков, фруктов, холодного кваса и прочих напитков, то Илью это не совсем устраивало. Он привык к активной жизни. А на пляже всегда собирается компания таких непосед, которая играла в волейбол, футбол и придумывала иные развлечения. Так, когда поднималась волна примерно до трёх дежлов, у них была дежурная шутка: подобрать зазевавшуюся жертву и, когда накатывала мощная волна, аккуратно придавить плечи то ли девушки, то ли парня и при этом вынырнуть на поверхность. Ощущение непередаваемое для того, кто оказывался внизу. Собственно говоря, каждый из них периодически оказывался в роли жертвы, но кроме смеха эта забава последствий не имела.

Как всегда не обошлось без ЧП. Пришлось спасать молодого парня, которого относило в море, а он, видимо, растерялся и начал тонуть. Успели достать. Если бы не опыт Ильи, то, возможно, одним жильцом на земле стало бы меньше. Тем более что спасали они вдвоём с Леной. Илья в который раз

убедился, что отдыхающие представляли не имеют, как грамотно делать искусственное дыхание. А службы спасения на диких пляжах практически нет.

И ещё было одно удивительное наблюдение — взвинченные цены. Именно поэтому время пребывания пришлось не сколько сократить. Но отдых был разнообразный. Все были довольны и особенно благодарили Илью. Он также был благодарен друзьям, потому что если бы не они, то поездка могла бы и не состояться. А если бы и состоялась, то не было бы самого главного — общения. Именно оно позволило Илье забыть на значительное время от своих забот, связанных с будущим.

Предстояла дорога домой. Естественно, Илья не мог не заехать в Одессу, ибо родственники бы ему это не простили. Так что к одному отдыху добавился другой. У его дяди появились некоторые проблемы. Но он всё-таки позаботился о своём племяннике и его девушке. В Одессе они провели три дня. Однако если у Ильи хватало времени, то у Лены оставалось только два дня на дорогу.

Илья начал ощущать своеобразное беспокойство. А Лена сразу же почувствовала произошедшие изменения. Не сказать, чтобы Илья был грустный, но что-то неуловимо изменилось в его взгляде. Он часто сидел и смотрел в одну точку и как бы не слышал никого и ничего. Лена понимала, что самое лучшее, что она может сделать, это дать возможность Илье самому прийти к себе.

О чём он думал в это время? Он просто пролился свою сознательную жизнь с момента окончания школы и пришёл к странному выводу. Каждый раз, когда что-то изменялось в его жизни, обязательно появлялось какое-то обстоятельство. Либо оно созревало до того как, либо оно происходило в какой-то

конкретный момент, и практически сразу же на его прямой возникал резкий поворот. Естественно, ощущалось торможение со всеми последствиями. Но до сих пор обстоятельства, как ни странно, в основном были в его пользу, не считал нелепого го-сэкзамена. А вот авария стала настолько резким поворотом, что Илья даже не мог себе представить, что будет дальше.

Именно поэтому он решил посмотреть, что происходит вокруг него. Он впервые стал удивляться, ибо раньше у него не было ни минуты свободного времени и рядом с ним, как правило, находились такие же, как он. Это была его компания. Но, тем не менее, были и такие минуты, когда Илья отвлекался от своих забот. И вот тут-то он замечал, что почти все люди вокруг него говорят о политике. Причём эти разговоры носили какой-то странный характер.

Оказалось, что истина стало так много, что их просто невозможно было переварить. На глазах изменялись привычные ценности. Те спекулянты, которых посадили ранее, спокойно достигали свой срок. А тех, которых не успели посадить, называли совсем дружными словами. Более того, теперь уже они могли посадить кого угодно, потому что у них в руках были большие деньги, очень большие деньги. ... И, что удивительно, среди этих людей Илья узнавал бывших партийных и комсомольских вожakov, известных спортсменов и общественных деятелей. И всё это, как ни странно, называлось перестройкой.

Друзья Илья, которые работали на стройке, объясняли ему, что любую перестройку надо начинать с фундамента. А здесь почему-то занимались крышами, почти в прямом и в переносном смысле слова. Именно в этом мире Илье надо было найти своё место. Самое невероятное заключалось в том,

что никакого места ему не было. Он просто стал «порушником Кнже», с той лишь разницей, что рядом с ним находилась Лена, и он никак не мог исчезнуть, хотя бы по этой причине. В который раз он понял, что надо сделать паузу и, по крайней мере, добраться домой.

И самое лучшее средство в этом смысле, чтобы отвлечься от мыслей, – это сон. Поэтому Илья предложил Лене открыть одну бутылку крымского марочного портвейна, аккуратно уложенного дядей в специальную корзину, закусить фруктами и лечь спать. Лена с удовольствием согласилась. Это было лучше, чем понимать и осознавать состояние Илья. Ведь для неё это тоже было обстоятельством, которое могло напрочь изменить всю её жизнь.

Итак, вино, фрукты, сон. ... И, наконец Минск.

НА РАСПУТЬЕ

Поезд пришёл поздно с опозданием на три часа. Поэтому домой добирались на такси. Илья проводил Лену. Она открыла дверь квартиры. Илья внёс корзины, её чемодан. Но вдруг оказалось, что её родители уехали на дачу. Правда, они пообещали рано утром вернуться, о чём сообщала приклеенная к зеркалу записка. А на улице темнота уступала место серости. Илья задумался. Лена стояла рядом и вопросительно смотрела на него. И всё-таки он попрощался и со своей корзиной и чемоданом отправился к себе домой. Почему он так поступил? В первую очередь потому, что приезд в Минск невозможно поставить перед ним вопрос: что делать дальше? И он понимал, что не уснёт, а Лене надо было хоть немного выпастись, так как в семь утра её ждала больница.

Так всё и получилось. До утра Илья не уснул. А утром отец ему сказал, что уже три дня подряд ему звонит его школьный товарищ. Более того, он попросил позвонить в любое время дня и ночи, как только Илья полвится. Неужели опять новое обстоятельство? Неужели опять поворот?

Звонил ему одноклассник, с которым он два года в старших классах сидел за одной партой. Более того, они вместе участвовали в художественной самодеятельности. Потом их дороги разошлись, так как Борис Штрайман поступил в институт культуры. Илья понял, что звонил Борис неспроста. И не ошибся. Не успел он поздороваться, как услышал:

— Бросай всё, хватай такси и срочно ко мне. У нас с тобой практически времени не осталось. Все подробности при встрече. Но такси не отпускай. Я буду ждать тебя во дворе.

Хватило несколько минут для того, чтобы вскочить из дому и поймать такси. И только проехав около километра, Илья вспомнил, что он хотел проводить Лену на работу и даже сказал ей об этом. Но выбора не было. Поэтому он понадеялся, что ещё успеет вернуться домой.

Борис вскочил в подъезжающее такси и назвал незнакомый Илье адрес.

— Видишь, Илья, мне предложили срочно собрать небольшую группу, таких как ты, чтобы эта группа занималась организацией концертов ведущих артистов Союза в Минске, а потом и в областных центрах. Прямо сейчас мы получили необходимые документы, деньги и вылетаем в Москву первым же рейсом для заключения контрактов с двумя продюсерами. Твой оклад будет... — и здесь Борис шепнул на ухо такую сумму, от которой у Илья захватило дыхание. Но когда он добавил ещё проценты, то Илья ушпинул себя сначала слегка, но ничего не почувствовал, так как ему казалось, что он спит. Тогда он ушпинул сильнее и понял, что это реальность.

— Боря, ответь, пожалуйста, на один вопрос.

— Пожалуйста, только можешь не задавать, я сразу могу тебе ответить. Я выбрал тебя потому, что ты никогда никого не подводил. А в этом деле нужны именно такие люди. Другим тут делать нечего. Кто пойдёт только ради денег, тот обречён на поражение. Тебя устраивает мой ответ?

— Да, устраивает. Но есть одна просьба. Я вернулся с юга, а Лена сегодня выходит на работу. Мы сможем заскочить к ней на пару минут по дороге в аэропорт, чтобы сообщить ей о моём отъезде?

— Нет проблем, — сказал Борис, — если мы быстро получим документы.

Их встретил известный в Белоруссии артист, работник столичной филармонии, в прошлом преподаватель института культуры. Борис представил Илью, тут же им были вручены документы, деньги и даже командировочные удостоверения, потому что в Москве без этих бумаг делать было нечего, пришлось бы ночевать на вокзале. Однако Илья вспомнил, что именно в Москве есть его дальний родственник, который давно просил заехать в гости. Так что стало ещё проще.

Лена Илью не узнала. Это был совсем другой человек. Вместо приветствия, она услышала:

– Везёт дуракам и пьяницам, – выпалил он, целуя её в губы. – Я улетаю в Москву, подробности по возвращении. Готовься присутствовать на концерте твоей любимой певицы...

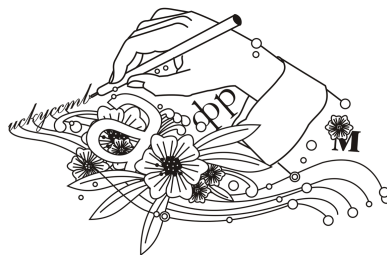
И такси умчалось.

Распутье Ильи, не успев начаться, внезапно закончилось...

СТИХИ

ВОСПРИЯТИЕ

Их встретил известный в Белоруссии артист, работник столичной филармонии, в прошлом преподаватель института культуры. Борис представил Илью, тут же им были вручены документы, деньги и даже командировочные удостоверения, потому что в Москве без этих бумаг делать было нечего, пришлось бы ночевать на вокзале. Однако Илья вспомнил, что именно в Москве есть его дальний родственник, который давно просил заехать в гости. Так что стало ещё проще.

Лена Илью не узнала. Это был совсем другой человек. Вместо приветствия, она услышала:

– Везёт дуракам и пьяницам, – выпалил он, целуя её в губы. – Я улетаю в Москву, подробности по возвращении. Готовься присутствовать на концерте твоей любимой певицы...

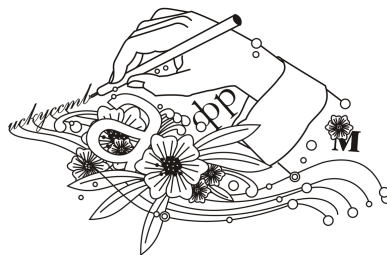
И такси умчалось.

Распутье Ильи, не успев начаться, внезапно закончилось...

СТИХИ

ВОСПРИЯТИЕ

ВОСТОРЖЕННО!..

Немым упрёком в долгих ожиданиях
Взломай пароль моей пустой души,
Где только цифры сходятся в признаниях.
Диктую, — ты запомнить не спеши!

А в поле ветер молится в рыданиях.
Забыл мотив, а истина в словах.
Движенья уст застыли в покаяньях,
Уж зрелость поселилась в головах.

О, если б был старинным я поэтом
И красотою слов умел блистать,
Весь мир бы описал одним куплетом,
От снов до забытых всё передать.

Так на полях прекрасных асфodelей
Я мог восполнить смертную печаль.
Пусть раздаются звуки птичьих трелей,
Их мелодичность — как земной хрусталь.

Да, смысла нет ни в счастье, ни в страданиях.
Пусть дарит аромат ветрам сирени куст.
В любых, хоть и серьёзных, оправданиях
Сближенье меж умом и морем чувств.

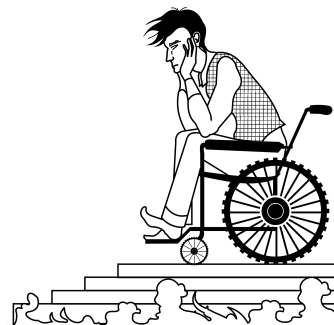
И, может быть, упрёки позабылись,
Душа открыта, ключ лишь у тебя.
И все слова, которые приснились,
Я отдаю ... восторженно любя!..

ДРУГ

Дайте звук, дайте ласковых рук обращение.
Школьный друг, неуныные тебе подарю.
Мне б слова затупить, облегчить бы возвращенье,
Чтоб цветы принести к своему алтарю.

И Цветаевский томик, прижатый рукою,
Вдруг попросит прощенье за пустоту.
Изумленья Эллина я успокою,
Горсть земли колыбельно рождает мечту.

Я читаю страницы истраченной жизни,
Запытые расставляю слезами меж фраз.
Я не лишний, рождает уставшие мысли,
Просто умер, оставшись однажды без Вас.

Я ВЕРНУСЬ

Я обязательно приду к тебе опять.
Ведь я наметил робкую тропинку.
Привязанность бессмысленно терять.
Влюблённость согревает даже льдинку.

Тропинку эту не размыт дождём.
Мы можем сами заблудиться все
От зависти к крылатым журавлём,
Иль беспричинно по любви тоску.

И, на стекле рисуя силуэт,
Мы поливаем слёзною метелью,
И в этом наш единственный ответ,
Не озарённый ни мечтой, ни целью.

И если вдруг исчезну я в дороге,
Помчавшись в поднебесье за строкой.
К земле вернётся рифма в нежном слого,
Алмаз грань, омытая судьбой.

Но ты ищи меня, пожалуйста, в прохожих
И обрети душевный свой покой.
Я в серый мир, до ужаса похожий,
Вернусь снежинкой зимней порой.

Я опущусь к тебе, в твои ладони,
Вдохнув твой запах кожи золотой.
И ты поймёшь, и может, не уронишь,
Как ключик, обречённый и простой.

И ты вздохнёшь, а мне опять лететь,
И в красоту зимы успеть влюбиться,
Мечтою жить и беспрерывно петь,
С тобою в сложном танце закружиться.

И музыка, звучащая в пространстве,
Без лишних слов, они ушли с тобой,
Не изменили ничего в убранстве,
Лишь потянули, молча за собой.

А небо отражается на окнах,
И на стекле растаял силуэт.
Пространство от старенья не поблекло,
И звёзды мне танцуют менуэт.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ АНГЕЛ

На землю пёрышко упало,
На небо поднял я глаза.
Там Ангел плавно и устало
Взлететь пытался в небеса.

«Сядь, отдохни», – я крикнул смело.
Вспорхнули с ветки воробьи.
Он молча покружил, и тело
Спустилось на руки мои.

«Устал дарить любовь и радость,
И, что обидно, в пустоту.
Когда же перестанут гадость
Творить, не веря в доброту?»

Не стать ли вестником разлуки?
Тоску нести в богатый дом?
И пусть протянут молча руки,
А я взлечу златым крылом.

Но кто же встретит ваши души?
Спасёт от века угасанья,
Быть может, было и похуже,
Ведь жизнь текла без расписанья.

И улыбнулся Ангел втайне –
Коль по судьбе досталось дело.
И я пришлю послание в мае,
Чтобы душа не зачерствела.

Исчез с лучом, упавшим с неба,
Отдав перо мне на прощанье.
«Прощи! Ты многое изведал,
И помни, помни обещанье...»

ПЬЕДЕСТАЛ ФАНТАЗИИ

Темнеет ночь, и нету в мире Данко.
Сны-непоседы разбежались по мечтам.
Холодна луна нам светит ярко,
И свет её развели по цветам.

У ангела прошу я – дай мне крылья.
Ломал нервы, я хочу взлететь –
Туда, где нет войны, жестокости, насилия.
Хочу на мир ещё раз посмотреть

И поселиться в тереме воздушном,
Из ветра и дождя, фантазий, облаков.
И голову склонить перед судьбой послушно,
Пред временем невысказанных слов,

Где вместо запятых в стихах поставлю звёзды,
Дрожащею рукой – наискосок.
Туманною зарёй взлились погоды,
И дождь как память льётся на висок.

ЗАПОМНИМ

И снова от меня ты убегаешь в сон
Сквозь моросливый вечер феврал.
И мыслями, беззвучными, сквозь стон
Врывается в проталинах земля.
И под забытый полуденный звон
Берёзы сок, струющийся к ногам,
Мы перепутаем, где лень, где сон,
Слова любви запомним по слогам.

ПРОГУЛКИ ПОД ДОЖДЁМ

Жизнь – пирог из слоёного теста,
И начинки мелькают изысканно.
Им отведено лучшее место,
И найти их порою немислимо.

Новый дом с современными окнами
Смотрит в мир, умилил прохожих,
Только злобою мир этот соткан –
Из окон вместо лиц только рожи.

И хочется бежать в уют провинциальный,
Запутавшись в мечтах и кривотолках.
Взлететь распутьем, впрочем, всё банально,
Оставив память – снимками на полках.

Так разве нас теперь там ожидают?
В потоке мыслей, путаются числа.
Но я вернусь, ведь годы мои тают,
Они ответят, много ль в этом смысла...

Когда увидишь дней прожитых кокон.
А рядом дворник, пыльный, неуклюжий.
И ты один среди слезливых окон,
А мир ведь прост внутри, да и снаружи.

Уходим мы – штрихи холодных улиц,
По тоненькому льду и, наступал в лужи,
Где от измены небеса качнулись,
Идём домой, где ждёт остывший ужин.

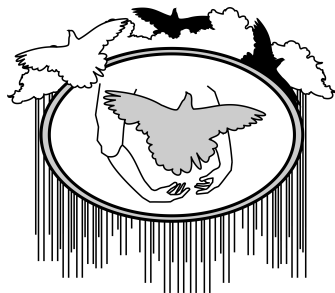
ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я хочу вновь поехать на море,
Где луч солнца с пляжем склеился,
И растать в безбрежном просторе,
Горизонт мой струной наметился.

А сегодня я умно-мысленный,
В искрах брызг за чаек тальнем,
Милый сердцу и таинственный,
Позабывший в снах отчалнєм.

Пусть ладони грустные встретятся,
Распрямил нам рлбь морскую.
На губах друг друга отметимся...
Словно в снах мы с тобой затоскуем.

А потом наступает бессонница,
Россыпь слёз – рососою по травам.
Дальний плач деревянных звонниц
О любви расскажет дубравам.

ВИЗИТ

Что ты, старал, остановилась на пороге?
Постучи мне в двери кулаком.
Сердце замерло в болезненной тревоге.
Годы в прошлое стремится косяком.

Скрип качелей на дворе – резвятся дети.
Стало холодно, и солнца нет в окне,
И иголки, эти листья смерти,
С ели опадают по весне.

Что стоишь, переминаешь ноги?
Жизнь мол, гони её с крыльца.
Мы с тобой среди живых немногих.
Есть бессмертье, если нет конца.

Жизнь, садись, подвинь к камину кресло,
Чтобы л не вырвался из рук,
Чтобы всё, что нажил, не исчезло,
Коль л слышу робкий сердца стук.

И давай поговорим, что дальше.
Убежать нет сил, и путь закрыт.
Я ведь всё такой же, как и раньше.
А финал один – как все, забыт.

Только это будет всё в дальнейшем,
А сейчас скажи мне тост за нас.
Снова мы мечтаем о новейшем.
Нам бы ночь длиннее, хоть на час.

Подожди, когда наступит утро.
Будь со мною солнечным лучом,
Ты мне улыбайся важно, мудро,
Чтобы всё мне было нипочём.

И, забрав свою косу у двери,
Смерть пошла, за ней клубил туман.
Я хочу единственного – верить,
Как беды не знавший мальчуган.

А ведь оставался час до смерти.
Час восхода солнца над землей.
Жизнь есть жизнь, довольствуемся этим!
Пусть наш путь не свяжется петлей.

НЕВЕЧНОСТЬ

Я заплатил за осень болью в сердце.
В душе молился ветру и дождю.
И я, в толпе гулял иноверцев,
Хочу понять, за что тебя люблю.

Мелькают дни прошедшего былого,
Скорей пытаюсь ухватить их суть,
Когда одно таинственное слово,
Увы, никак нельзя перечеркнуть.

И только вдруг вспорхнёт мол
влюблённость,
Увы, поймёшь, где отыскал ответ, –
Там нежно-ласковал томность,
И избавление от бед.

И снова в комнате усталой
Бокала звон и треск свечи,
И блеск её в слезинке малой
Так дорог мне сейчас в ночи.

Нас утром солнце согревает,
Ласкает нас изгибы тел,
Но, вздрогнув, сердце замирает –
Всему на свете есть предел.

Я заплатил, но боль осталась,
И смерть ушла в закате дня,
И жизнь, возможно, обозналась,
Избрав все чувства для меня.

РАЗНОГЛАСИЕ

Далёкий свет умерших звёзд
Веками нам прощаньем светит.
И гордость в чистых каплях слёз,
Порой, как дождь, за всё в ответе.

Я заболел и стал улиткой,
Свернувшись в ракушку лучей.
Из чаши неба звуки скрипки
Лылись, как счастья ручей.

Не лей на сердце возбужденье,
Оставь разбитые мечты.
Своё от Музы вдохновенье
Как божество предьявишь ты.

НЕВЕЧНОСТЬ

Я заплатил за осень болью в сердце.
В душе молился ветру и дождю.
И я, в толпе гулял иноверцев,
Хочу понять, за что тебя люблю.

Мелькают дни прошедшего былого,
Скорей пытаюсь ухватить их суть,
Когда одно таинственное слово,
Увы, никак нельзя перечеркнуть.

И только вдруг вспорхнёт мол
влюблённость,
Увы, поймёшь, где отыскал ответ, –
Там нежно-ласковый томность,
И избавление от бед.

И снова в комнате усталой
Бокала звон и треск свечи,
И блеск её в слезинке малой
Так дорог мне сейчас в ночи.

Нас утром солнце согревает,
Ласкает нас изгибы тел,
Но, вздрогнув, сердце замирает –
Всему на свете есть предел.

Я заплатил, но боль осталась,
И смерть ушла в закате дня,
И жизнь, возможно, обозначась,
Избрав все чувства для меня.

РАЗНОГЛАСИЕ

Далёкий свет умерших звёзд
Веками нам прощаньем светит.
И гордость в чистых каплях слёз,
Порой, как дождь, за всё в ответе.

Я заболел и стал улиткой,
Свернувшись в ракушку лучей.
Из чаши неба звуки скрипки
Лылись, как счастья ручей.

Не лей на сердце возбужденье,
Оставь разбитые мечты.
Своё от Музы вдохновенье
Как божество предъявил ты.

ЗИМНИЙ СОН

Зимний сон придёт знакомым шагом,
По серебряной дорожке лунной.
Мир покажется нам добрым магом,
Зазвучит гитарой семиструнной.

И во сне, как в старой доброй сказке,
Мы услышим соловья напевы.
Звёздный дождь весною с нами ласков,
Как объятил влюблённой девы.

Волшебство струится ярким глазом,
Щурится и прыгает по полкам.
Отражается как грань алмаза,
Блики разлетаются без толку.

Рамы на картинах засверкали,
И бокалы плещут хмель медовый,
На двоих мечту нам предрекали,
Как орёл парит в вершинах снова.

И в цветении чувств, лозы сплетенья,
И в искусстве пламенной любви.
Вроде мы не знали пораженья,
Только души от неё в крови.

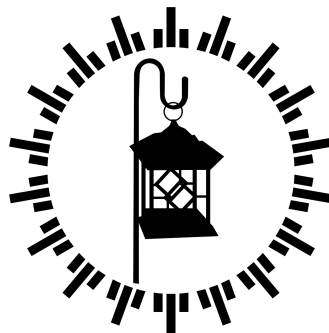
Мы растаем в скорбном сожалении
В лабиринте мыслей, слов и дел,
Заболтав свои соотношенья,
Мы уходим, каждый так хотел.

ВЕЧЕРНЯЯ МЫСЛЬ

Мы сквозь судьбу плывём к финалу,
По улицам в мерцании фонарей,
И каждый метр считаем поначалу
Пред тысячами запертых дверей.

По каплям растворённые по ранам,
И в душах близких нам людей,
Долгами мыслей в воздухе обмана,
Забыв про о муть всех уходящих дней.

У высших сил снискав опалу,
В стране, что нет её родней,
Мечтаем в тишине, смотря детей забавы,
О мире, где нет запертых дверей.

СРАВНЕНИЕ

Погаснет силуэт моей любви былой.
Я отменю рейс надежды за строкой.
И скачет воробей, забывший про полёт.
Бездонный мир окон опит нам летом врёт.

И в горле, как комок, плоток воды живой.
Как жить, не исказив привычных лиц покой?
И сердце вдруг сдавил, своей рукой вопрос,
Оставшийся налим в траве холодных рос.

С надеждой на успех откроется Сезам.
Слезинки для души полезны, как бальзам.
Быть может, там уснём, объятые тоской.
Что ж вы, друзья мои, поникли головой?

Меж нами будет море, огромное, как мир.
Над этим морем – небо, свободнейший эфир.
И лаской ветра волны щекочут сквозь года,
И ураган ворчливо рокошет иногда.

А по ночам на небе холодная луна
Скучает там без друга, скучает там одна.
И бабочку с цветами рождает красота,
Она так совершенна, как белизна листа.

И утро наступает велением стиха,
Природа повторяет творение в веках.
Я ученик не глупый, пытаюсь суть понять.
Не в то, наверно, время меня родила мать.

ЖЕЛАНИЕ

Может быть, навсегда, может быть, на века
Мыслей замкнутый круг разобьётся в стихах.
И на день, и на два, и на месяц, на год.
Я кому-то слуга среди прочих господ.
Я кому-то судья, я кому-то палач.
Я кому-то в слезах. Ты мне шепчешь: «Не плачь...»
И душа, по ночам убежал во тьму,
Отдаётся лишь снам, да и то на беду.
Я проснусь и опит лёгкий вздох, первый луч,
Первый твой поцелуй – сразу небо без туч.
Тот же дом, тот же стол, да и та же кровать.
Милых ласковых рук обнимающий круг,
И так хочется, хочется, хочется спать...

ЗА ВСЁ

Вокзал. Разлука. Стук колёс.
Не вешай, милый друг, свой нос.
Поверь, не избежать потерь.
И лишь бы не захлопнуть дверь,
Когда? – Вот в чём стоит вопрос.
К тебе с дорожи я принёс
Букет любви, надежд и слёз.
И лишь бы ветер не разнёс
Моих знакомых и друзей.
Поднимем руки мы скорей
За всё, что сделать удалось,
И в путь отправиться я пришлось.

ГРАФОМАНЫ – НЕТ

Мы все романтики и эгоисты,
Забутые эпохой Возрождения.
Но в то же время мы речисты.
Так в чём же ценность пробуждён?

Средь нас прекрасные артисты,
И даже есть интеллигент.
Но остальные все статисты,
А в зале автор – диссидент.

И зал внимал безвкусицы причуды.
Был чист и свеж неузнанный акцент,
А юный Март кривил надменно губы,
За каждый день недели – свой процент.

Да, есть и эпатажные подростки,
Филологически-словесный мат.
И разогнал клоун на подмостки.
Храни меня, мой Ангел, от цитат.

У нас не бесподобное мышление.
Мы сами публикуем, зная цену.
Тревожит душу наше представление,
В котором прорываешься на сцену.

Пусть мы с тобой пока не знамениты,
Как лирики-надомники во страсти,
Но и в Нью-Йорке есть бродвей, стриты,
А похуждён всё же в нашей власти.

ВЗДОХ

Если вдруг ты ко мне не вернёшься,
Я приду моросищим дождём.
Ты поймёшь, может быть, улыбнёшься.
Вспомнив чувства, пылал огнём.

Ты проснёшься от крика в квартире,
Стены вздрогнут, услышав твой стон, –
Это сердце в придуманном мире
Перешло равнодушья разлом.

И запомнив как звон колокольчика смех,
Уходит нелегко, возвращаться труднее!
И молва из стихов среди суетных вех.
Только солнце, наверно, быстрее согреет.

В чистом поле тоски повенчает нас грех,
Мы останемся вместе с любовью своею.
Наши чувства как дань, как молитва для всех,
Чтобы все облака расступились перед нею.

НЕ ОБЕЩАЙ?..

Пообещай мне сердцу нежность,
А вдруг поверю я словам
И, забыв о слове «вечность»,
Я руки поднесу к губам.

Пообещай мне сны цветные.
Дари мне мысли и мечты.
А я оставлю лишь святые
Слова, в которых только ты.

Пообещай мне свет холодный,
Вновь отражённый в облаках.
Соври, ведь ложь сегодня модна,
И холод спрячь в своих руках.

Пообещай при нашей встрече
Устлать цветами путь ко мне
Мы чувства соберём как Бече
И сон увидим при Луне.

Пообещай, родной... В ночи
Мы сердцем ощутим прохладу...
Прошу молчи, пожалуйста, молчи.
Не обещай мне ничего, не надо...

Ведь главное всегда в одном тебе.
Коль нет тебя, к чему мне обещанья?
И твой приход, как истина в судьбе, –
Последнее и главное свиданье.

РАЗМЫШЛЕНИЕ

Вспоминаю взаимную нашу любовь.
Вспоминаю, сколь длинными были минуты.
Всё впиталось в сознание, в плоть, в нашу кровь,
А теперь наши чувства раздеты, разуты.
Ты же помнишь аллею, букеты из роз.
Мы гуляли с тобой и немного жмелели.
Ты читал мне стихи, долетал до звёзд.
Ты читал мне стихи – я так вряд ли сумею...
Как внезапно кончается счастья пора.
Я забуду тебя, я смогу, я посмею.
Вот бы только сейчас не сойти мне с ума.
Я хотел подарить тебе всё, что имею.
Но при встрече уже не повисну на шее.
Не уйдёт из-под ног эта злая земля.
Счастье крылья расправит туда, где теплее,
Забывал нас здесь, округлив до нуля.

У МОРЯ

Струной гитарною звенит душа –
Простых мелодий бархатное кружево.
Играет солнце на закате не спеша,
Природою балтийской отутюжено.

А я вечернею порой у моря
Подслушиваю рифмы волн.
Стучат они в висок, печали вторя,
Полёт их сказочен и полн.

Они и в облаках медлительных повисли,
Вдыхал свежесть моря в вышине.
Волненьем я опережаю мысли –
То наяву, то будто бы во сне.

ДАСТОЧКА СВЯТОЙ ЗЕМЛИ

*...лишь там, в родном тепле
Давидова звезда...
...лишь там, в земле благой,
я обрету покой
отныне – навсегда
Исхуда, Га-Леву*

На яркое солнце плывут облака,
Наводит на улицах тень.
А ласточек вновь привлекает река,
Полёт их – наш завтрашний день.

А я на Шаббат помолиться хочу,
С поклоном к могилам отцов.
Свободною птицей туда прилечу –
Примером для слабых юнцов.

Душе так спокойно на Вечной горе,
Лишь тень надо мною скользит.
Без злобы на мир праотцов посмотрел
В свой первый печальный визит.

Но счастье молитвы лишь только во сне,
Ведь сердце не в милом краю,
Поэт не способен молиться извне,
Где песни чужие поют.

Поток Иордана вызывает к себе,
Где в мыслях он жемчуг искал.
И Хандак возвысил бы в вечной борьбе.
Характер, как сталь, закалял.

С мечтой и молитвой пришёл он к стене,
Забыв про друзей и врагов,
И память о нём, как преданье, во мне
Живёт без сакральных оков.

ПИСЬМА САМОМУ СЕБЕ

Главные строки лежат на листе.
Буквы – осколки признаний тебе.
Писем не посланных целей букет –
Это минуты не прожитых лет.

Это три месяца осень писала,
Только казалось, что этого мало.
Жёлтые листья в сомнительх купал,
Яркими красками впит угасал, –

Это три месяца в холоде дил,
Зимой сказка хранила меня,
Чтобы не смог я разбиться об лёд.
Чтобы весной был осознанный взлёт.

Это три месяца в искрах весны,
Я обращался к заветному – мы.
Сердце металось подобно лучу.
Я изменять сам себе не хочу.

Это три месяца лесенкой в ряд,
Летние дни словно птицы летят.
Только дождливый у нас горизонт,
Гномик из сказки раскроет свой зонт.

Все эти месяцы словно допрос.
Временем сердце торгует вразнос.
Душные строки скупых телеграмм,
Букв не оживших потерянный штамп.

Край неприветлив, и нет здесь тебя,
Мысли мои словно люди скорбят,
Мне бы на крыльях лететь за тобой,
Выбор несложен, в нём только любовь.

ПОСЛЕ ПРАЗДНИКОВ

Я вспоминаю праздники.
Я вспоминаю радости.
И горести в запасниках
Осенним утром прячу.

Я вспоминаю вольности.
Я вспоминаю щедрости.
И улыбаюсь нежности.
С надеждой на удачу.

И оживают смелости.
Я собираюсь с мыслями.
Я собираюсь с силами.
Иду вперед упрямо.

И вновь за разговорами
Становимся мы милыми,
Становимся заботливы.
И это очень странно.

Становимся уступчивы.
И лишь сердца закрытые
Приходится укутывать
Душевной простотой.

А время, как минутами,
Неуловимой краскою,
Наполовину с былью
Всё покрывает пылью,
Смешав суть с наготой.

ШУТ

Здесь бездарно, становится скучно и глупо...
Я начну говорить – прослышу по-старинке шутом.
Лёгкий голос звучит одиноко, досадно и скупо,
И обыденный мир награждает меня колпаком.
В Божьем мире огромном я только лишь семл.
Не шпион, не бессмертный, не Джокер в Таро.
Ухожу за пределы пространства, и время
Отдается как дань за пороки и зло.
Неизвестен наш род и неведомо, что мы за племя.
О себе в словарях мы находим слова праотцов.
И, конечно, за страх не упасть никогда на колени –
Воздаём палачам и клеймим подлецов!

АВГУСТОВСКАЯ НОЧЬ

И, как водится, в августе будет опять звездопад.
Ты загадывай больше желаний под нашей звездою.
И шепнешь: «Я люблю тебя!» – как-то совсем невольно.
И обнимешь меня, так бессмысленно споря с судьбою.

На две равные части разрежет восход небосвод.
Я кусочек оставлю себе, остальное уходит с тобою.
Крепко-накрепко я прижимаю ладонью блокнот,
И живу в этом мире своей одинокой звездою.

И летит, и летит дураки-мотыльки на огонь,
Вспыхнув в пламени, вверх улетают горючей искрою.
Мы вдвоём, и смущённо ладонь снова лжёт в ладонь,
И от нежности в дрожь меня бросит, а это не скрою.

Так неожиданно-негаданно в душу приходит любовь,
И от чувства её вдруг запахнет цветущей весною.
В мире сказочных белых снегов закружился мы вновь,
Разлетится осколки беды между небом и вечной землею.

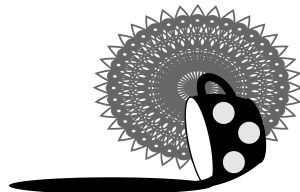
ТРИЗНА

Жизнь рассыпалась точно на звенья,
Как об камни разбиившийся плот.
Вы плотните из кубка забвенья
Понедельников, сред и суббот.

И не будет безликих повторов,
Ни к чему нам теперь имена,
Унизительных этих поборов...
Не скорбите – не ваша вина.

Временные иные законы.
В миражах старых рыцарей рать.
Прилетят, огнелюба, драконы
На турнир, где билет не достать.

Это сны из непрожитой жизни,
А быть может, прожитой не мной.
И прощальная песня на тризне –
Для живых обретенный покой.

ВЗГЛЯД НА НЕБО

Просто вижу на небе звезду.
Талый снег под ногами скрипит.
Знать бы только, куда уплыву,
И не стала б подружкой Лилит.
Я романтик, поэтому мне
Повстречать её будет не сложно.
Я сейчас благодарен судьбе,
Лунный блик обойду осторожно.
И что Богу в последней мольбе
Расскажу не про Красное море.
И живи во грехе и борьбе,
Милый фокус – не л – на просторе.
Пусть я буду латынью рождён,
Пусть я буду каминном домашним,
Согревал минуты времён,
Вспоминал о счастье вчерашнем.

ОСКОЛКИ МЫСЛЕЙ

БЕЛЫЕ МЫСЛИ...

* * *

Вы не сидите. Просто паучок времени ткёт в
ваших волосах паутину и ловит ей мудрость.

* * *

Как всё-таки мало нужно человеку для счастья.
Глоток воды. Кусочек хлеба. Луч солнца...
Увы, чтобы понять это, нужно оказаться на
необитаемом острове.

* * *

Телефон. Как много он знает. Странно, что ещё
никто не написал «Исповедь телефона».

* * *

Имля – единица измерения творчества. Но и, как в
системе измерений, мерить можно в
миллиграммах, а можно в тоннах.

* * *

Другие времена. Кто сегодня посмотрит на книгу с
названием «Царица Женщина»? Единицы. А книгу
«Записки проститутки» купят тысячи.

* * *

Звук клавиш подобен треску сухих насекомых под
ногами. И взгляд в мониторе окольцован
недопосвящённостью далёких имён, стремящихся
в Вечность.

... И ОСТАЛЬНЫЕ

* * *

Признание в любви – в который раз
Не сосчитать и в чувствах не измерить,
И в этой школе уж в десятый класс
Я не спешу открыть как прежде двери.

* * *

Ты робкий взгляд, признавшийся в любви.
И легкий шёпот над седой рекою.
И всё земное для тебя вдали.
Ты, как весна, липлившая покоем.

* * *

Мол последний любовь – ожог ладошек.
Я сотворил на небе звёзд стихосложение,
И в темноте больших домов, чужих окошек
Я повторю свою любовь – как унижение.

* * *

Что есть любовь? Ответ мне Бог,
Ответ, послав благословенье.
Его ответ мне – как итог,
Возобновить бы мне рождение...

* * *

Любовь обманом мудрости слывет,
Впивался в сердце, как заноза.
Она улиткой в ракушке живёт,
В стихах она уже почти как проза.

* * *

А я люблю тебя до наготы,
До чувства всеземной печали.
В зеркальной мгле глубинной высоты
Слова как молнии, что калтвами звучали.

* * *

Лимонной долькой брошу в жизнь любовь
И долго буду пить дрожащими губами.
Букет тобою неподаренных цветов
Так хочется почувствовать глазами.

* * *

И жизнь не вечна, пролетит как сон,
Туманом просочится в небо голубое.
Янтарным льдом по глади злых окон
Рисую красками я солнце золотое.

* * *

Я оберну от проклятий достану.
Прочь от любви состыжные невинности!
Но умолять и просить я не стану –
Вырос уже из разряда наивности.

* * *

В страшную яму чужих одиночеств
Нас загонит взаимность двуличная.
Падают буквы слезами со строчек.
Я удаюсь, соблюдал приличия.

* * *

Ночь. Улица. Фонарь. Калека
Слезу стирает грязным кулаком.
И боль сжимает сердце человека,
И голод пахнет хлебом с молоком.

* * *

Жизнь умирает во мне водопадом,
Рвётся из сердца, читая молитву.
Только поток кислорода мне надо,
Чтобы хоть раз чистотою напиться.

* * *

Немеет грусть под тиканье часов.
Разбито счастье на осколки.
И остаётся первал любовь
В плену телесной самоволки.

* * *

Луной бездонной к нам приходит вечер
И звезды искрами мерцающих зеркал.
Вы для меня как угасанье свечек.
И май, как голубь, крыльями сверкал.

* * *

А где-то день, где ты живёшь.
А у меня – всё ночь без снов.
Но и при свете не найдёшь
Спасение среди миров.

* * *

«Секс и любовь бегут в одной упряжке».
Как ошибаемся мы, это говорю.
Любовь – ручей, что плещется в овражке.
Секс – взгляд на мёртвый космос ливарю.

* * *

Я для друзей пишу про дождь,
Бросаю в белоснежный холст слова.
Вся жизнь мол снежинок гроздь
И морослящая молва...

* * *

Взмах твоих ресниц –
И сорвался ритм сердца.
Шелест губ-страниц –
Из туманного детства.

* * *

Я нерешительно вступаю в нежность,
Наивно счастлив телефон.
И белый цвет, синоним слова «верность»,
Приятной неожиданностью волн.

* * *

Поймай мой голос в телефоне,
И повтори, что я люблю.
Я – тень твою на белом фоне.
И ты – желанием одним.

* * *

Осенний вальс остался позади.
И чувства брошены на снег холодный.
Забуду я о тяжести в груди
И на рычаг нажму, на телефонный.

* * *

Мне без тебя немного лучше.
И в сердце наступил покой.
Иди, вступай – шагай всё глуше.
Лишь берег ластится волной.

* * *

Слеза небес летит на землю.
Как не познать нам одиночество?
Я лжи, поверьте, не приемлю.
Вы не наитие – пророчество.

* * *

Я часто вижу в зеркалах,
А рядом тёмный призрак.
Я растворяюсь в его глазах.
Ведь память так капризна.

* * *

Мол последняя любовь...
Я больше не хочу влюбляться...
И ночи проводить без снов...
И уходить, и возвращаться...

* * *

Баловать себя чувством влюблённости.
И на море смотреть удивительно вечное.
Вспоминать про лето приятной наклонности.
Между «после» и «до», всё уйдёт в бесконечное.

* * *

Правки рифм. Ошибки судеб.
Музыкальный шорох пальцев.
Эпиграф блаженным будет
Призраком забытых старцев.

* * *

Бесплатный сыр получит мышка,
Которая окажется второй.
И первой мышки жизнь мелькнёт, как вспышка.
Ну а вторая рядом с ней – герой.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Представление	4

Обстоятельства (повесть) 5

Первые, но не главные	6
Второстепенные, но интересные	19
Главное, но не первое	43
Определяющие, но не лучшим образом	55
На распутье	66

Восприятие (связи) 69

Восторженно!..	70
Друг	71
Я вернусь	72
Рождественский ангел	74
Пьедестал фантазии	75
Запомним	75
Прогулки под дождём	76
Возвращение	77
Визит	78
Невечность	80
Разногласие	81
Зимний сон	82
Вечерняя мысль	83
Сравнение	84
Желание	85
Завсё	85
Графоманы – NET	86
Вздох	87
Не обещаю?..	88
Размышление	89

У моря	89
Ласточка Святой земли	90
Письма самому себе	91
После праздников	92
Шут	93
Августовская ночь	94
Тризна	95
Взгляд на небо	96

Осколки мыслей 97

Белые мысли...	98
... И остальные	99

Литературно-художественное издание

ГОЛУШКО Павел Михайлович

КОГДА Я ВЕРНУСЬ...

Стихи, проза

Ответственный за выпуск *А.Г. Печенко*

Редактор *В.П. Попов*

Подписано в печать 26.02.2009г. Формат 84х108/32.
Бумага офсетная. Гарнитура Palatino Linotype. Печать
цифровая. Усл. печ. л. 5,67. Уч.-изд. л. 4,96.
Тираж 80 экз. Заказ №70.

Издатель Печенко А.Г., ЛИ № 02330/0150103 от
31.07.2006 г., 220104, г. Минск, ул.П.Глебкевич, 84-203,
тел. (029) 605-79-82. E-mail: pechenko_a@mail.ru

Отпечатано на настольно-издательской системе Canon